

Человек размером с небо

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Человек размером с небо

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Человек размером с небо / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Элиас Восс умеет вести людей через горы. Но в переполненном зале ему порой труднее сделать вдох, чем на крутом подъёме. Он мечтает о спокойствии, до которого не доберётся чужой смех. Необычный эксперимент сводит его с искусственным разумом Сивом. Элиас поможет ему понять человеческое тело, а Сив откроет способы видеть мир, недоступные обычному взгляду. Заново ощутить вес чашки в ладони окажется не менее удивительно, чем увидеть изгиб Земли. А свет далёких звёзд заставит задуматься о том, как недолговечно всё, что он любит. Но чем больше становится его мир, тем труднее заметить человека рядом. Нора, художница звука, готовит работу, в которой его нельзя заменить записью. Отец собирается начать другую жизнь. И у Сива появляются собственные желания. Философский роман-путешествие о любви, страхе и головокружительной радости существовать — здесь, сейчас, под небом, у которого не видно края.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Чужие глаза	5
Глава 1. Место у двери	5
Глава 2. Проводник без маршрута	12
Глава 3. Вес чашки	19
Глава 4. Город, который проходит сквозь тебя	25
Глава 5. Отец покупает красные туфли	32
Глава 6. Опыт № 0: отсутствующий вкус	38
Глава 7. То, что нельзя показать	41
Глава 8. Небо в помещении	47
Часть II. Тяжесть живого	53
Глава 9. Поезд с открытыми глазами	53
Глава 10. Тальник	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

А.М. Сунгурский

Человек размером с небо

Часть I. Чужие глаза

Глава 1. Место у двери

Мандарин катился вниз по лестнице медленнее, чем должен был. На каждой ступеньке он ненадолго задумывался, выбирал сторону и только потом прыгал дальше. Элиас поставил ногу поперёк следующей ступени. Мандарин упёрся ему в ботинок.

Выше, у разбитого бумажного пакета, стоял пожилой человек в слишком тёплом для мая пальто. Остальные плоды уже докатились до площадки. Люди обходили их, сводя колени и сердито глядя себе под ноги. Кто-то спросил, нельзя ли убрать. Человек в пальто кивнул, но продолжал держать пакет за ручки. В дне открылось аккуратное тёмное отверстие.

Элиас поднялся к нему.

— Давайте я подержу.

Он забрал пакет. Потом опустился на корточки, подбирая мандарины. Лямка рюкзака сползла на локоть, и Элиас, вместо того чтобы поправить её, сунул руку внутрь. Нашупал лёгкий непромокаемый мешок для одежды.

— Сюда можно. Он чистый.

— Там были ещё лимоны.

— Найдём.

На лестнице никто не лежал, никого не следовало переносить или оттаскивать. Требовалось собрать семь мандаринов и два лимона. Элиасу нравились задачи, размер которых можно было установить сразу.

Один лимон обнаружился под скамейкой. За вторым пришлось протянуть руку между стеной и автоматом с питьевой водой. Автомат предложил вымыть кисти после контакта с полом. Элиас попросил его помолчать. Мужчина в пальто впервые улыбнулся.

— Обижается?

— Нет.

— Откуда вы знаете?

Элиас вытащил лимон. На коже остался чёрный след.

— Этот помоете.

Он отдал мешок. Мужчина долго не хотел брать вещь, предлагал перевести деньги, объяснял, что у него дома таких пять. Элиас сказал, что у него шесть. На самом деле было два. Мешок был хорошим, со сварными швами, и он почувствовал небольшое сожаление, когда старик наконец ушёл.

У лестницы уже никого не осталось. Поток переместился к открывшемуся выходу. Над турникетами бежала строка о переносе остановки, а ниже маленькая уборочная машина терпеливо ждала, когда сможет подобрать клочок размокшей бумаги. Элиас пропустил её. На пальцах пахло лимонной кожей и пылью.

На улице он достал телефон. До назначенного времени оставалось четырнадцать минут. Центр находился через площадь, в здании бывшего кинотеатра, над которым сохранились металлические буквы «ОРБИТА». Буква «Б» немного съехала вниз, словно титр ещё не успел собраться.

В приглашении говорилось: «Встреча кандидатов. Малый зал. Второй этаж». Слово «кандидатов» не нравилось Элиасу с вечера. Оно предполагало, что кто-то другой уже знает, каким следует быть человеку, а ему осталось догадаться.

Три недели назад он заполнил заявку на исследование пространственного восприятия. Ссылку прислал знакомый из горной службы: нужны люди с устойчивыми двигательными навыками, без боязни высоты, умеющие объяснять свои действия. Никаких имплантатов. Оплата за время, обследования за счёт программы. Сначала Элиас подумал о колене: после прошлогоднего сезона оно ныло на спуске, и бесплатное обследование пришлось бы кстати. Потом дочитал описание. Колено можно было показать отдельно.

Его зацепила строка про изменение масштаба переживания.

Теперь он помнил её почти дословно и стеснялся того, как много в неё вложил.

Перед входом стояли трое. Девушка с бритой головой держала велосипед за седло, высокий мужчина без конца тянул вниз рукава, ещё один человек, которого Элиас не сразу смог разглядеть, сидел на парапете за кадкой с деревцем. Они разговаривали. Можно было приблизиться, сказать, что он тоже на встречу, и занять в разговоре ничем не примечательное место.

Элиас сделал вид, что читает сообщение. Экран показывал прогноз погоды в Тальнике: дождь, ночью четыре градуса. Он увеличил карту осадков и минуту изучал фиолетовое пятно над перевалом, до которого от Москвы было слишком далеко, чтобы это помогало сейчас.

В горном гостевом доме у него хранились две верёвки, запасные ботинки, коробка ремней и один тёмно-синий костюм. Костюм поселился там после чужой свадьбы и постепенно стал такой же частью снаряжения, как ненужный ледоруб. В Москве Элиас снимал небольшую квартиру с видом на торец другого дома. По утрам в том торце открывались створки приточной системы. Они напоминали жабры. Иногда ему казалось, что дом дышит свободнее, чем он.

— Вы закрываете мне воздух.

Элиас поднял голову.

На парапете за кадкой сидела женщина с узким серебристым прибором на коленях. Прибор был соединён проводом с двумя маленькими микрофонами. Один она держала под деревцем.

— Что?

— Воздух из решётки. Я его записываю. А вы прямо перед ней.

Он отступил так быстро, будто она обнаружила его на запретной территории.

— Извините.

— Ничего. Теперь только стойте, пожалуйста, где стоите. А то опять всё поменяется.

Она вернулась к экрану. У неё были тёмные волосы, перехваченные оранжевой резинкой, и большое кольцо на среднем пальце, похожее на гайку без резьбы. На плече висела сумка, зашитая жёлтыми стежками. Элиас заметил стежки с неожиданной благодарностью: у этой вещи было собственное прошлое, и никому не пришло в голову его скрывать.

Женщина слушала несколько секунд, чуть приоткрыв рот. Потом нажала на кнопку.

— Спасибо. Можно двигаться.

— Там что-то слышно?

— Много чего. В основном плохое.

— В смысле неисправность?

— В смысле будут говорить, что здесь невозможно услышать собственные мысли. Хотя собственные мысли как раз пролезают в любой шум.

Она отсоединила микрофон. Элиас посмотрел на решётку. За ней ровно гудел вентилятор.

— Вы в центр?

— Меня попросили оценить маленький зал. Они собираются делать там демонстрации. А там гул, как внутри холодильника. Вы участник?

Он хотел ответить «пока не знаю», но это прозвучало бы излишне серьёзно.

— Кандидат.

— Значит, ещё можно сбежать.

Женщина произнесла это без испытующего веселья. Она действительно допускала побег и не собиралась его осуждать. Элиас улыбнулся.

— А вам?

— Мне уже заплатили половину. Поздно.

Она подняла сумку. Двое у входа вошли внутрь, придерживая друг другу дверь. Элиас пошёл следом за женщиной, стараясь не оказаться слишком близко. От неё пахло не духами, а нагретой тканью и чем-то горьким — возможно, кофе.

В холле кинотеатра сохранили старую мозаику. Синий человек протягивал ладонь к жёлтому шару, составленному из мелких неровных кусочков стекла. На шаре темнели четыре отсутствующих квадрата. Через семьдесят лет после выкладки мозаики человечество всё ещё тянулось к небесным телам с неполным набором плитки.

Администратор попросила назвать фамилию. Элиас назвал. Она нашла его в списке, выдала тонкую карточку посетителя и указала на лестницу.

— Второй этаж, налево. Кофе можно брать в зал.

Женщине с микрофонами досталась другая карточка, синяя. Администратор сказала:

— Нора, там вчера опять передвинули перегородку.

— Прекрасно. Значит, вчерашние измерения были посвящены памяти перегородки.

Она поднялась первой. Элиас задержался у кофе. Ему не хотелось кофе; хотелось чем-нибудь занять руки.

У автомата стоял мужчина с короткой седой бородой. Взяв стакан, он поднёс его к носу, нахмурился и поставил обратно под струю горячей воды.

— Слишком крепкий? — спросил Элиас.

— Слишком дорогой вкус для такого мероприятия. Пытаются убедить, что у них всё хорошо с финансированием.

Мужчина посмотрел на его карточку.

— Элиас. Я Леон.

Он сказал это так, будто они пришли помогать общему знакомому переезжать. Элиас ответил рукопожатием. Ладонь у Леона была сухая и холодная.

— Вы руководитель?

— Сегодня. Завтра придёт ревизия, посмотрим.

Шутка была удобной, отработанной; Элиас узнал в ней профессиональную попытку снять напряжение и немедленно напрягся ещё сильнее. Леон, кажется, заметил, но продолжать не стал.

— Зал наверху. Дверь не закроем. Там душно.

Элиас кивнул с такой благодарностью, что потом рассердился на себя.

* * *

В малом зале стояло двенадцать стульев. Не рядами, а широким полукругом, и из-за этого каждый представлялся отдельным маленьким возвышением. На полу сохранились следы креплений прежних кресел. На дальнем конце комнаты Нора и молодой техник снимали с потолка белую панель.

Элиас выбрал стул возле двери. Слева от него лежал свёрнутый электрический кабель. Справа, на расстоянии двух шагов, начинался коридор. Если бы захотелось выйти, никого не пришлось бы просить подвинуть ноги.

Восемь других кандидатов располагались свободнее. Девушка с велосипедом села почти в центре. Высокий мужчина наконец оставил рукава в покое и занял сразу два стула: на одном сидел, на другом держал сумку. Женщина в медицинской форме достала контейнер с едой и посмотрела на Леона, уже входившего в зал.

— Я после смены. Можно?

— Нужно, — сказал он.

Из контейнера пахнуло гречкой. Элиас ощутил голод, о котором до этой минуты не знал. Он позавтракал сухим хлебом, чтобы не опоздать.

Техник вынес снятую панель и ушёл по лестнице. Леон сел вместе со всеми. На стене появился только маленький серый круг, без заголовка и приветственных слов. Из круга вышел голос:

— В комнате десять человек.

— Двенадцать, — сказала Нора с лестницы.

— В видимой мне части комнаты десять человек.

— Так лучше.

— Спасибо за уточнение.

Элиас посмотрел на круг. Голос был спокойным, неглубоким, со странно короткой паузой перед последним словом. Обычно разговорные системы выбирали голос по предпочтениям собеседника. Здесь, похоже, никто не пытался ему понравиться.

— Это Сив, — сказал Леон. — Он будет на сегодняшней встрече. Видеозапись не ведём. Аудиозапись начнём, если все согласны. Кто не хочет, может сказать мне сейчас или написать. Отказ не повлияет на отбор.

Женщина с едой подняла руку.

— Я не хочу, чтобы записывали, как я жую.

— Тогда начнём позже.

Леон нажал что-то на телефоне. Круг на стене стал белым. Элиас не понял, означал ли цвет выключенный микрофон или лишь изменённую картинку. Почти сразу высокая женщина у окна сказала:

— Я Сафия, врач программы. Уточню: микрофоны сейчас выключены физическим реле. Сив нас не слышит. Переключатель вот здесь, у двери. Перед каждым опытом будем показывать, какие каналы открыты.

Элиас обернулся. Рядом с обычным выключателем света находилась коробочка с четырьмя рычажками. Один был опущен. Ничего волшебного, прозрачная крышка, подписи. Это понравилось ему больше серого круга.

— Сегодня никаких воздействий, — продолжала Сафия. — Мы рассказываем, вы спрашиваете. Потом желающие остаются на отдельный разговор. Заявка ещё ни к чему не обязывает.

Девушка с велосипедом спросила, можно ли сдать нужные анализы в своей клинике. Мужчина с сумкой спросил о занятости по выходным. Женщина, доев гречку, спросила, не повлияет ли участие на страховку. Вопросы были серьёзные, житейские. Элиас почувствовал лёгкое разочарование, а потом постыдился его. Он пришёл сюда за тем, чему не находилось удобного места среди страховок и расписаний.

Когда реле подняли, круг потемнел.

— Мы вернулись, — сказал Леон.

— Для меня это начавшийся сейчас разговор, — ответил Сив. — О предшествовавшем я не знаю.

— И не будешь, если не расскажем.

— Да.

Леон объяснил устройство программы. Они не переносили сознание в машину. Не читали скрытые мысли. Не предлагали людям почувствовать всё, что знает система. Работали с небольшими согласованными потоками: движение, равновесие, некоторые телесные сигналы, зрение и звук. Обратный канал позволял строить для человека необычные пространственные представления. По отдельности технологии существовали давно; здесь их соединяли иначе и старались понять, что именно получается.

— Если получится что-нибудь полезное, — сказала женщина с контейнером, — кому оно достанется?

Леон не стал отвечать сразу.

— Часть результатов будет открытой. Часть — у тех, кто финансирует работу. Условия дадим полностью. Короткой приятной фразы здесь не будет.

Элиасу понравилось и это. Он немного расслабил пальцы на стакане.

Потом Леон предложил представиться.

Ничего особенного. Имя, занятие, зачем пришли. Он подчеркнул, что можно пропустить вопрос или весь круг. Первая участница сказала, что водит грузовые аппараты и хотела бы меньше уставать. Второй оказался учителем танца. Третья — та самая женщина после смены — работала в выездной службе и интересовалась, можно ли точнее передавать неопытному сотруднику устройство незнакомого помещения.

Элиас слушал. Одновременно он рассчитывал, сколько человек осталось до него.

Пятеро.

Стакан стал мешать. Поставить на пол означало наклониться и привлечь внимание. Держать на весу было глупо. Он пристроил его между коленями.

Четверо.

В горах перед сложным участком он разговаривал легко. Иногда по двадцать минут подряд. Люди задавали вопросы, путали названия снаряжения, сердились, и он оставался собой. Сейчас никто на него ещё не смотрел. От этого было хуже: впереди находился момент, когда посмотрят все.

Трое.

Он приготовил фразу. «Элиас Восс. Горный проводник. Работаю с группами в основном на юге». Этого достаточно. Зачем пришёл? Посмотреть. Нет, «посмотреть» прозвучит высокомерно. Научиться. Слишком похоже на детскую экскурсию. Интересуюсь пространственным восприятием. Слишком явно взято из приглашения.

Двое.

За потолочной решёткой гудел вентилятор. Элиас вспомнил, что закрыл Норе воздух, и вдруг представил себя огромным неуклюжим человеком, закрывающим воздух целой комнате. В этой картинке было что-то настолько нелепое, что он едва не засмеялся. Смеяться сейчас было нельзя. Говорила женщина у окна.

— ...поэтому я, наверное, здесь.

Наступила его очередь.

Он поднял глаза.

— Элиас Восс. Я вожу людей.

Кто-то кивнул. Можно было продолжить. Всего два слова: «в горы».

— В горы, — сказал он с опозданием. — Работаю проводником.

— И что вас заинтересовало? — спросил Леон.

Во рту стало сухо. Элиас почувствовал свой язык как отдельный, слишком большой предмет. Он видел, что вопрос не был ловушкой. Леон смотрел ровно, спокойно, готовый выслушать любой ответ. Это не помогало.

— Я умею управлять чужим страхом.

Он слышал собственные слова и захотел немедленно забрать их обратно. Никогда он не управлял чужим страхом. Он проверял узлы, выбирал темп, иногда держал человека за локоть. Случалось, что страх сохранялся весь день и человек так и не выходил на маршрут. «Управлять» было словом из рекламы, которую Элиас презирал.

— Хотелось бы понимать это лучше, — добавил он.

— Понятно, — ответил Леон.

Ничего ему не было понятно. Никому ничего не было понятно, и самым неприятным оказалось облегчение: его очередь закончилась.

Мужчина справа начал рассказывать о промышленном дизайне. Элиас мог снова дышать. Он смотрел на тонкую пластиковую кромку стакана. В месте, где палец слишком сильно её сжал, осталась белая полоска.

* * *

После общего разговора кандидатов попросили подождать в холле. Сафия приглашала по одному. Элиас спустился к мозаике, выпил остывший кофе и выбросил стакан. Автомат для сортировки попросил отдельно поместить крышку. Крышки у него не было. Он показал пустые ладони.

— Это не вам, — произнесла Нора за спиной. — Это он всем.

У неё в руках теперь была только сумка. Оранжевую резинку она сняла, волосы лежали на плечах.

— Здесь все что-то говорят, — ответил Элиас.

— Да. Здание очень боится тишины.

Он хотел спросить, слышала ли она его представление, и не спросил. Ответ в любом случае сделал бы хуже.

Нора посмотрела на его пальцы.

— Вы поцарапались.

У основания большого пальца виднелся красный след. Элиас вспомнил лимон за автоматом.

— Ерунда.

Он спрятал руку, хотя сам не понял зачем.

— Вас уже позвали?

— Нет.

— Тогда успеете поесть. На углу хорошие пироги. Нехорошие только цены.

— Я не знаю, сколько ждать.

Нора пожала плечами.

— Можно спросить.

Она сказала это без назидания и пошла к администратору возвращать карточку. Элиас остался у мозаики. Он часто замечал, как другим людям удаются простые движения: спросить, отказать, сообщить о голоде. В горах он тоже умел эти движения. Там они были частью работы, как застёгивание ремня. В городе каждое требовало нового разрешения.

Он всё-таки подошёл к стойке.

— Я успею выйти минут на десять?

Администратор посмотрела расписание.

— На двадцать даже. У вас двенадцать сорок.

За спиной Нора уже открывала дверь. Элиас догнал её не с намерением познакомиться, как он позже себе объяснял, а потому, что она знала, где пироги.

На улице было тепло. Уборщик с длинным скребком снимал с плитки засохшую краску. Над входом в бывший кинотеатр зажглись старые буквы. Нижняя половина «Б» не светилась.

— Я Элиас, — сказал он.

— Я слышала. Нора.

Ему стало неприятно и приятно одновременно.

— Я там глупость сказал.

— Про страх?

— Да.

— Мне показалось, вы хотели, чтобы вас взяли.

Он остановился. Она прошла ещё полшага и обернулась.

— Это не запрещено, — добавила Нора.

Через площадь катился низкий автобус без окон в передней части. На его боку отражались обрывки домов. Рядом с Элиасом стояла незнакомая женщина, которая услышала его неловкость и не стала ни утешать, ни ловить на ней. Он не знал, что делать с таким видом внимания.

— А вы не хотите попробовать? — спросил он.

— Сопряжение?

— Да.

— Пока нет. У меня и так слишком много чужих голосов в голове. Я пытаюсь разобраться со своими записями.

— Наверное, там не совсем голоса.

— Наверное. Вы потом расскажете.

Они подошли к пекарне. За стеклом лежали длинные пироги, разрезанные поперёк. Нора выбрала с луком и яйцом. Элиас — с капустой. Внутри было тесно, есть пришлось стоя у высокого столика на улице.

Он откусил слишком большой кусок. Начинка оказалась горячей. Несколько секунд Элиас стоял с открытым ртом, совершенно неспособный выглядеть человеком, который управляет чужим страхом. Нора протянула ему салфетку.

— Выдохните, — сказала она. — Только на меня не надо.

Он рассмеялся. Капуста обожгла нёбо, на куртку упала крошка, и на короткое время никакого другого Элиаса — оцениваемого, неудачного, нуждающегося в исправлении — поблизости не оказалось.

Когда он вернулся, Сафия ждала у лестницы.

— Элиас Восс?

Он кивнул, доедая последний кусок.

— Пойдёмте. Только сначала один вопрос. Вам здесь удобно разговаривать или лучше в кабинете поменьше?

Элиас посмотрел вверх, на открытую дверь малого зала. На этот раз отвечать предстояло без зрителей.

— Поменьше, — сказал он.

Сафия пошла по коридору. Элиас последовал за ней. На стене рядом с лифтом висел обычный огнетушитель, красный, с потёртой рукояткой. Он почему-то заметил его с облегчением. В здании, где обещали изменить масштаб переживания, всё ещё знали, что иногда горит конкретный стул.

Глава 2. Проводник без маршрута

Маленький кабинет оказался бывшей кассой. Толстое стекло сохранили, а окошко, через которое когда-то передавали билеты, закрыли деревянной полкой. На ней стояли два растения и коробка салфеток. Сафия усадила Элиаса спиной к стеклу, сама осталась сбоку от стола.

— Я читала вашу заявку, — сказала она. — Левое колено?

Он почти обрадовался.

— На длинных спусках. Началось в прошлом августе. В покое не болит.

— С этим тоже разберёмся. Но сначала о самой работе. Что вам обещали?

— Ничего. Прислали описание.

— Кто?

Элиас назвал знакомого. Сафия записала фамилию.

— Он у нас не работает, просто знает о наборе. Спрашиваю потому, что люди иногда пересказывают приглашение очень творчески. В прошлой группе одному мужчине сообщили, что после опыта он сможет выучить любой язык за вечер.

— А сможет?

— За вечер мы успели выяснить, кто ему это сообщил.

Сафия улыбнулась, но не задержалась на шутке. Она расспросила о сне, лекарствах, травмах головы, обмороках, приступах укачивания, работе и обычной неделе. Элиас отвечал. Часть ответов требовала подумать: он не знал, сколько спит в среднем, потому что считал хорошими только ночи, после которых не вспоминал о сне. В Москве таких было меньше, чем в Тальнике.

— Алкоголь?

— Редко.

— «Редко» у каждого своё.

— За последний месяц два раза. Пиво. По одной бутылке.

— Хорошо. Что происходило, когда вы представлялись в зале?

Он посмотрел на закрытое билетное окошко.

— Ничего особенного.

Сафия подождала.

— Не люблю такое, — добавил Элиас.

— Что именно?

— Рассказывать о себе без причины.

— Причина была. Нам надо познакомиться.

Он почувствовал раздражение: она могла бы сделать вид, что согласна. Многие делали.

— Тогда не люблю, когда все смотрят.

— Это мешает работе?

— В горах нет.

— А вне гор?

Вместо ответа он потёр пальцем царапину. В кассе было слышно, как по ту сторону стекла администратор объясняет кому-то устройство электронной очереди. Человек хотел взять бумажный талон. Администратор отвечала, что талон не нужен. Он снова спрашивал, где его взять.

— Иногда мешает, — сказал Элиас.

— Вы обращались за помощью?

— Год назад. Несколько раз. Потом уехал на сезон.

Это было правдой и одновременно удобным сокращением правды. Врач, к которому он ходил, не сделал ничего дурного. Предлагал разобраться, чего именно Элиас избегает и каким образом избегание постепенно занимает больше места. Элиасу хотелось, чтобы ему объяснили

устройство поломки и дали деталь на замену. После третьей встречи он сказал, что перед поездкой слишком много работы. Работа действительно была.

Сафия не стала спрашивать, почему он не вернулся.

— Наша программа не лечение тревоги. Некоторым участникам становится легче в определённых ситуациях. Некоторым — труднее. Мы должны знать, что с вами происходит, иначе не сумеем оценить изменения. Если отберём вас, будет отдельная консультация. Решение об участии принимается после неё.

Элиас кивнул. Его неприятно задело слово «отберём». Казалось, маленькую дверь, которую он увидел в объявлении, опять отодвинули.

— Я нормально работаю, — сказал он.

— Верю.

— У меня по двенадцать человек в группе. Бывают люди, которые вообще никогда...

— Элиас, я не проверяю, достаточно ли вы сильный. Мне нужно понять, какие нагрузки вам подойдут.

Он замолчал. За стеклом наконец зашуршала бумага: администратор нашла способ напечатать талон.

Сафия повернула экран так, чтобы он видел. На нём не было сложной модели мозга, только расписание первой недели. Два посещения, несколько коротких заданий дома, отдельный разговор о самочувствии. Обычная жизнь должна была продолжаться между ними.

— Платят и тем, кого потом не включают?

— За пройденные процедуры — да. И тем, кто прекращает участие сам. Иначе согласие мало чего стоит.

Элиас внимательно прочитал суммы. Больших денег не обещали. Но платить за жильё до начала летних групп можно было без спешки. Он спросил про заключения по обследованиям. Сафия сказала, что копии он получит полностью.

— Что ещё?

Элиас посмотрел на первое пустое окно расписания.

— Можно узнать, что он обо мне думает?

— Сив?

— Да.

— Сейчас он знает о вас то, что вы сказали в общем разговоре, и открытые для него поля заявки. Вы видели перечень. Личные медицинские записи ему не передаются автоматически. Если хотите, спросим.

Сафия достала со стены маленький прямоугольный динамик и поставила его между ними. Нажала кнопку. Загорелась зелёная полоска.

— Сив, с нами Элиас Восс. Он хочет задать вопрос.

— Здравствуйте, Элиас.

Теперь голос звучал ближе. Элиас поймал себя на желании ответить вежливее, чем человеку.

— Здравствуйте. Мне интересно... Вы составляете впечатление?

— В каком смысле?

— Ну, пригоден я или нет.

— Я могу сопоставить ваши заявленные навыки с задачами. Решение не принимаю.

— А если не с задачами?

Пауза оказалась достаточно длинной, чтобы Элиас начал жалеть о вопросе.

— Тогда мне нужно знать, с чем сопоставлять, — ответил Сив.

Элиас вдруг почувствовал, что устал. За один день он уже говорил с администратором, с Леоном, со всей группой, с Норой, с Сафией. Каждому требовалось предъявлять немного

другую версию себя. Теперь ещё и этому голосу предстояло объяснить то, что люди понимали слишком быстро.

— Вам ведь не бывает неловко? — спросил он.

— У меня нет основания утверждать, что моё состояние соответствует вашей неловкости.

— Удобно.

— Возможно. Но вы спрашиваете меня о том, чего я, вероятно, лишён.

Сафия посмотрела на часы.

— На сегодня закончим. Не потому, что разговор плохой. У следующего человека тоже есть время.

На лестнице Элиас остановился у окна. Из большого круглого динамика над дверью звучало объявление о доставке. Голос ничем не отличался от сотен других голосов, населявших город. Элиас пытался определить, что отличало от них Сива. Пока получалось только одно: Сив не торопился превращать непонимание в любезность.

* * *

Через четыре дня Элиас пришёл на двигательную пробу. После обследований ему разрешили пройти отборочную часть; окончательное сопряжение ещё предстояло обсудить. Колено велели беречь от некоторых нагрузок и выдали рекомендации для его обычного врача. Ничего таинственного там не обнаружилось. Элиаса почему-то успокоило, что хотя бы одна его трудность оказалась достаточно обыкновенной.

В большом зале кинотеатра кресел давно не было. Пол закрывали серые маты. Между низкими опорами тянулись поручни, на потолочных направляющих висели страховочные системы. В глубине комнаты мужчина с рыжей бородой возился с пластиковым поддоном.

— Йонас, — представился он, не поднимаясь. — Аппаратура. Не медицина, не психология, не загадки мироздания. Если что-нибудь пищит, это ко мне.

Рядом раздался тонкий писк.

— Иногда само приходит, — добавил Йонас.

Сафия предложила Элиасу переобуться. Ботинки поставили в ячейку, на щиколотки и кисти закрепили лёгкие датчики. На затылок пока ничего не надевали. Требовалось пройти по нарисованной линии, поднять предметы разного веса, повторить движения за световой точкой. Элиас выполнял всё с небольшим избытком старательности. Если нужно было встать на одну ногу на десять секунд, он держался неподвижно все двенадцать, пока Сафия не останавливала.

— Вы можете опускать ногу сразу после сигнала.

— Я понял.

— Тогда опускайте. Нас интересует в том числе, как вы заканчиваете действие.

Сив следил через открытые камеры. Перед началом Элиасу показали их положение. На стене горели три зелёные точки. Когда Йонас закрывал одну камеру ладонью, соответствующая часть изображения на соседнем экране темнела. Никакой слепой веры в обещание «сейчас вас не видят» не требовалось.

Потом Элиасу дали непрозрачные очки и попросили найти руками край стола. Он сделал это сразу. На следующей пробе стол слегка сдвинули. Пальцы уверенно легли в пустое пространство.

— Вы ожидали его здесь, — сказал Сив.

— Да.

— Хотя новых данных о положении не было.

— Я помнил.

— Память оказалась устаревшей.

Элиас снял очки.

— Если на каждом шаге считать, что землю могли передвинуть, далеко не уйдёшь.

— Это полезное замечание.

— Только не делайте из него правило. В горах землю иногда действительно передвигает.

Йонас рассмеялся. Сив не ответил. Элиас не мог понять, воспринял ли тот оговорку как шутку.

Для следующего задания пригласили Селму, девушку с велосипедом. Она оказалась не танцовщицей, как Элиас почему-то решил при первой встрече, а монтажницей наружных световых конструкций. На её предплечье темнел старый ожог, похожий на узкий лист.

— Я должна вас провести, — сказала она. — Или вы меня?

— По очереди, — ответила Сафия.

Селме надели очки, показывавшие упрощённую комнату с задержкой. Физически пол оставался ровным, опоры — мягкими, а страховочный пояс не позволял упасть. Но в очках часть ориентиров сдвигалась и пропадала. Элиас должен был помочь ей пройти к дальней стене, описывая путь голосом. Касаться разрешалось только после её согласия.

— Сейчас левее, — сказал он.

Селма повернула голову.

— Не голову. Ногу. Левую.

— А там что?

— Низкая опора. Мы её обойдём.

— Я не вижу.

— Знаю. Пол под вами ровный. Можно сделать маленький шаг.

Она сделала. Элиас пошёл рядом, подстраивая свой темп под её движение. Очень скоро он перестал замечать камеры. В этой ситуации было на что смотреть: положение ступни, напряжение плеч, расстояние до опоры. Он давал короткие указания и ждал, пока они будут выполнены. Селму раздражала задержка, она ругалась, но шла.

У дальней стены девушка сняла очки.

— Вы в жизни тоже так говорите?

— Как?

— Будто всё уже проверили за меня.

Элиас не знал, было это похвалой или претензией.

— Стараюсь проверять.

— Хорошо. Но в какой-то момент хотелось вас стукнуть.

— Почему?

— Потому что вам было легко.

Она отдала очки Йонасу. Элиас посмотрел на неё внимательнее. Лицо у Селмы блестело, хотя испытание заняло меньше пяти минут. Ему вспомнились туристы, которые сердились после совершенно безопасного участка. Он привык относить это к усталости.

Теперь очередь вести перешла к Селме. Элиас надел очки. Маты исчезли, вместо них появился голый пол с двумя тёмными разрывами. Он знал, что разрывы нарисованы. Знал, что пояс удержит. Его ступня всё равно остановилась перед первым.

— Там ничего нет, — сказала Селма.

— Я понимаю.

— Тогда идите.

Он шагнул и ощутил, как изнутри проваливается живот. Пояс даже не натянулся. Пол принял ногу точно там, где должен был находиться. Элиас выругался.

— Вот, — сказала Селма с удовольствием. — Добро пожаловать.

Он рассмеялся, но следующие два шага дались не легче.

На середине маршрута картинка начала запаздывать сильнее. Элиас остановился и поднял руку. Йонас сразу вернул обычное изображение.

— Почему закончили? — спросил Сив.

— Голова поплыла.

— Вы могли завершить маршрут?

— Мог. Наверное.

— Тогда почему?

Элиас снял очки. На переносице осталась влажная полоска.

— Потому что уже понял, как это, а становилось хуже.

Сафия записала что-то в планшете.

— Хорошо, — сказала она.

— Это тоже проверка? — спросил Элиас.

— Всё, что здесь делаем, часть проверки. Но останавливаться можно и тогда, когда это никому ничего не доказывает.

В комнате было слишком тепло. Селма ушла переодеваться. Йонас опустился к одному из креплений, постукивая по нему рукояткой отвёртки. Элиас пил воду из своей бутылки. Он чувствовал себя неожиданно живым и немного злым. Прежде чем он успел придать этому чувству приличное объяснение, Сив снова заговорил:

— При управлении движением Селмы ваша речь была устойчивее, чем при рассказе о себе.

— Да.

— Опасность для другого человека облегчает ваше состояние?

Элиас повернулся к камере.

— Нет.

— Тогда мне неясно различие.

— Я знал, что нужно делать.

— При представлении вы также знали последовательность: имя, занятие, причина участия.

— Это другая последовательность.

Сив помолчал.

— Вы можете объяснить, чем?

Элиас хотел сказать, что машина никогда не поймёт. Это было бы удобно и даже немного приятно. Вместо этого он поставил бутылку на стол.

— Когда она шла, я смотрел, куда ей поставить ногу. Когда говорил в кругу, я смотрел на себя их глазами.

— Но доступа к их зрению у вас не было.

— Я придумал.

— Насколько точно?

Элиас провёл ладонью по лицу. Его собственная нелепость вдруг оказалась настолько отчётливой, что он не смог от неё отвернуться. Он много лет сопротивлялся чужой оценке, не зная, совпадает ли она с той, которую он изготавливал самостоятельно.

Это знание уже приходило к нему раньше. Он читал похожие объяснения, слышал их от врача. Новым было отсутствие утешения в голосе Сива. Тот действительно не понимал, зачем использовать ненадёжную модель как источник настолько сильного воздействия.

— Не знаю, — сказал Элиас.

— Тогда я отмечу неопределённость.

— Отметь.

Последнее слово вырвалось само. Элиас замялся.

— Можно на «ты»?

— Да. Взаимно?

— Взаимно.

Сив продолжил уже с другим обращением:

— Элиас, я тоже пользуюсь моделями людей. Было бы полезно замечать, когда они начинают заменять мне доступные сведения.

— Будешь просить, чтобы я тебя одёргивал?

— Да. Если это приемлемо.

Элиас посмотрел на три зелёные точки над экраном.

— Приемлемо.

* * *

Через два дня ему предложили участие в первом этапе. Письмо пришло, когда Элиас сушил вымытую куртку над ванной. Вместе с письмом была запись короткого объяснения условий. Он посмотрел её, потом прочитал сам текст. Отдельно — раздел о выходе из исследования. По старой привычке искал ловушку, а найдя несколько неясных пунктов, не стал угадывать, насколько глупо будет о них спросить. Отправил три вопроса.

Ответ пришёл от Йонаса: два пункта объяснил письменно, про третий сказал, что формулировка действительно неудачная и её уточнят до подписания. Элиас перечитал это сообщение несколько раз. Он не привык, чтобы существование инструкции допускало возможность её исправить.

Вечером позвонил отец.

— Ты завтра занят?

— До двух.

— А после?

— Вроде нет. Что-то случилось?

— Я спросил, занят ли ты. Это уже случилось.

— Пап.

— Надо посмотреть кое-что. Если можешь, приезжай.

Элиас ожидал разговора о бойлере, окне или старом кухонном столе. Отец редко просил о помощи и предпочитал маскировать просьбу приглашением оценить какую-нибудь вещь. Он договорился приехать через несколько дней, после калибровки. Отец помолчал, но согласился.

— Только не обещай, если не приедешь.

— Приеду.

Разговор закончился. Элиас повесил куртку, вытер воду с пола. Потом сел на край ванны и открыл документ ещё раз.

Внизу стояло поле: «Своими словами укажите, на что вы соглашаетесь».

Он начал печатать привычное: «На добровольное участие в исследовании...» Остановился, стёр. Подумал и написал: «Я разрешаю передавать системе согласованные сигналы моего тела и принимать подготовленные пространственные реконструкции. Я понимаю, что это не передача всей моей жизни и не способ узнать устройство Вселенной целиком. Я могу остановиться».

Оставалась пустая строка о личной цели.

Элиас долго смотрел на неё. На улице проехала мусоровозная машина. В комнате за стеной кто-то засмеялся и тут же попросил прощения за смех. Он слышал чужую жизнь, и она не требовала от него немедленно занять в ней правильное место.

«Я хочу, чтобы мир перестал всё время смотреть на меня», — написал он.

Эту строку Элиас не отправил. Перенёс в личную заметку, а в анкете оставил: «Понять, как меняется восприятие собственного положения».

Перед сном он вернулся к первой фразе. Она выглядела детской. И всё же Элиас не удалил её. На следующий день предстояло познакомиться с собой существо, которому ещё приходи-

лось объяснять, что такое ждать чужого взгляда. Хотелось иметь хотя бы одну формулировку, которую он не сочинил специально для отборочной комиссии.

Глава 3. Вес чашки

Первое, что Элиас узнал о сопряжении: оно мешало воротнику рубашки.

Йонас трижды поправил мягкую полосу на затылке, отступил, посмотрел на показания и попросил расстегнуть верхнюю пуговицу. Потом вторую. Контакт у левой ключицы всё равно отходил.

— Надо было сказать, чтобы пришёл в майке.

— Говорили. В письме.

Элиас вспомнил длинный список приложений. Одно из них он действительно не открыл: там, судя по названию, были бытовые рекомендации.

— Пропустил.

— Бывает. Сейчас дадим нашу.

Майка оказалась велика и пахла прачечной. На груди у неё было вышито «ОРБИТА», как на вывеске снаружи. Элиас подумал, что служебная одежда пережила назначение здания. Когда он спросил об этом, Йонас ответил, что майки заказали месяц назад: им просто нравилось название.

Элиас почувствовал себя обманутым собственной красивой догадкой.

Полоса охватывала затылок, тонкие ответвления ложились за уши, ещё два плоских контакта находились у основания шеи. В ней не было ничего, напоминавшего шлем для полёта или аппарат, способный открыть новый мир. Скорее ортопедическое приспособление, которое стыдно забыть на себе в магазине. Блок питания и вычислитель стояли на столе. От них к полосе тянулся единственный гибкий провод.

— В переносном комплекте провод короче, — сказал Йонас. — Здесь длинный, чтобы мы могли всё отключать независимо.

Элиас попробовал повернуть голову. Материал чуть натянул кожу за левым ухом.

— Если будет натирать, скажите. Не надо терпеть ради результатов.

Сафия проверила контакты, спросила о сне и завтраке. На этот раз Элиас поел дома. После разговора с ней он начал замечать, как легко забывает о теле, когда занят тем, как выглядит со стороны. Утренний голод казался ему признаком собранности. В действительности он просто пропускал еду.

На стол положили четыре вещи: чашку, деревянный кубик, резиновый мяч и металлическое кольцо. Чашка была белая, с синей линией под краем. В ней находилась тёплая вода.

— Никаких больших пространств сегодня, — предупредила Сафия. — Проверим узкие каналы, потом короткий обратный опыт. Суммарно несколько минут. Между пробами обычный отдых.

— Понятно.

— Что вы сделаете, если станет неприятно?

Элиас показал на кнопку в правой руке.

— Нажму.

— Можно сказать. Можно снять полосу. Давайте сначала проверим кнопку.

Йонас включил сигнал, лёгкую вибрацию под затылком. Элиас нажал. Вибрация исчезла. На экране рядом с его именем опустели две шкалы.

— И обратно без вас не включится, — сказал Йонас. — Потребуется новое подтверждение.

Элиас снова посмотрел на чашку. Вода уже остывала. Ему понравилось, что приготовления заняли достаточно времени, чтобы вода успела остыть. Значит, никто не торопился открывать ему бесконечность.

Сив заговорил из настольного динамика:

— Элиас, ты готов открыть входящие ко мне каналы движения и давления?

— Да.

— Видеокамера также включена. Звук включён. Обратное сопряжение пока закрыто.

Он говорил размеренно, каждый раз называя только то, что менялось. Через некоторое время Элиас перестал слышать в этом инструктаж. Это походило на разговор двух людей, вместе несущих тяжёлую вещь: поднимаем, держишь, можно отпустить.

Он взял чашку.

Ничего не произошло.

— И всё?

— Что ты ожидаешь? — спросил Сив.

— Не знаю. Что-то почувствовать.

— Сейчас данные поступают ко мне.

— А я просто держу чашку.

— Да. Подержи, пожалуйста.

Элиас посмотрел на Сафию. Она сидела за соседним столом, не вмешиваясь. Йонас следил за экраном. За окном проехала машина с открытым кузовом. В кузове стояло молодое дерево, подвязанное к опоре.

— Вес двести восемьдесят три грамма с допустимой погрешностью, — сказал Сив.

— Мы уже взвешивали, — заметил Йонас. — Масса двести восемьдесят шесть. Но нас сейчас интересует не точность весов.

— Я знаю, — ответил Сив.

Элиас держал чашку за ручку. Большой палец упирался в керамику. Со временем эта маленькая точка давления стала заметнее. Он машинально изменил хват.

— Почему? — спросил Сив.

— Что почему?

— Положение пальца.

— Неудобно.

— Давление уменьшилось лишь немного.

— Но теперь в другом месте.

— Предыдущее место может отдохнуть?

— Наверное.

Он никогда не думал о пальце как о чём-то, чему требуется короткий отдельный отдых. Подобные движения происходили сами: сменить плечо под рюкзаком, чуть отпустить хват, повернуться ночью на другую сторону. Его тело постоянно вело какие-то мелкие переговоры, в которых он не участвовал.

— Можешь удерживать тем же способом ещё двадцать секунд? — спросил Сив.

Элиас согласился. На пятой секунде снова захотелось пошевелить пальцем. На десятой это желание стало раздражающим. Он считал до двадцати и чувствовал себя нелепо: взрослый мужчина, ходивший в связках по ледникам, терпел неудобство от чашки с водой под наблюдением трёх существ.

На семнадцатой он поставил её.

— Извини.

— За что? — спросил Сив.

— Не додержал.

— У нас нет условия обязательно додержаться.

— Ты попросил двадцать секунд.

— Я не знал, как это будет для тебя.

Элиас посмотрел на свой палец. На коже осталась неглубокая белая вмятина, которая быстро исчезла.

Йонас что-то отметил.

— Мы как раз это и хотим видеть, — сказал он. — Где просьба перестаёт быть бесплатной.

Сив попросил назвать ощущение. Элиас назвал его давлением, потом неудобством, потом скукой. Оказалось, слова описывали разные стороны одного короткого эпизода. На слове «скука» Сив задержался.

— Мне не скучно.

— Тебе не надо держать.

— Но я получаю сигнал удержания.

— Можешь его выключить?

— Да.

— А чашка останется у меня.

На этот раз молчание Сива длилось дольше. Элиасу захотелось спросить, что внутри него происходит. Он сдержался. Несколько минут назад сам плохо понимал, что происходит у него в пальце.

Следующей была температура. Элиас обхватил чашку ладонями. Вода стала едва тёплой. Сив верно отметил направление изменения, но на вопрос «приятно ли» ответил не сразу:

— По твоему расслаблению я предполагаю, что приятно.

— А тебе?

— У меня нет надёжного способа приравнять своё состояние к этому слову.

— Значит, ты просто всё вычисляешь.

— Я действительно вычисляю. Пока неизвестно, что из этого следует про переживание.

Элиасу не понравилось, что ответ остался открытым. Он приехал с двумя удобными возможностями: либо перед ним прибор, которому не следует придавать значения, либо кто-то по-настоящему способный разделить его жизнь. Третья возможность — долго не знать — казалась несправедливой.

— А я могу доказать, что мне приятно? — спросил он у Сафии.

— Можете сказать. Мы сопоставим слова с другими сведениями. Но доступного всем прибора с делениями «приятно» и «неприятно» нет и для людей.

— Очень удобно для обманщиков.

— Поэтому важно смотреть, что происходит дальше.

Сафия встала, подошла к раковине и налила в чашку свежую воду. Дала Элиасу проверить температуру. Он обхватил чашку и почувствовал тепло яснее прежнего.

* * *

Во время перерыва Элиас вышел в коридор без полосы. За ушами было прохладно. Он купил у автомата яблоко, которое тот подал в картонной лодочке. Яблоко оказалось кислым, с мягким боком. Элиас стоял у окна и ел, глядя на жёлтые крыши автобусов.

Внизу молодой человек несколько раз обошёл припаркованный велосипед. Проверил замок, потянул за руль, отошёл, вернулся. Элиас узнал это движение возвращения и отвёл глаза, будто подглядел чужую наготу.

Телефон завибрировал. Нора прислала короткое сообщение: «Мне сказали, вы завтра опять у них. Если услышите дребезг справа над дверью, сообщите. Техник уверяет, что всё закрепил».

Она получила его контакт через администратора: в день знакомства спросила разрешения переслать ему запись вентиляции, чтобы он сравнил до и после ремонта. Тогда Элиас решил, что это просто вежливый способ оставить возможность разговора. Теперь перед ним находилось вполне настоящее рабочее поручение.

Он ответил: «Я здесь сегодня. Проверю».

Потом добавил: «Меня пока учат держать чашку».

Ответ появился быстро: «Наконец серьёзная наука. Кружки им ещё рано доверять».

Элиас улыбнулся, надкусил мягкий бок яблока и вдруг почувствовал отчётливое удовольствие от того, что не обязан никому его объяснять. Оно было связано и с Норой, и с кислым вкусом, и с отсутствием датчиков. Если бы Сив сейчас спросил, откуда оно взялось, Элиас не смог бы разложить всё по отдельным ячейкам.

Вернувшись, он услышал дребезг. Сказал Йонасу. Тот посмотрел вверх с таким выражением, будто перегородка лично нарушила данное ему обещание.

— Я передам Норе, что вы подтвердили, — сказал Элиас.

— Передайте, что это другая панель.

— Другая?

— Да. Но ей всё равно будет приятно.

Перед обратным опытом Сафия попросила назвать три вещи, которые Элиас видит, и описать обычное положение тела. Не для медитации — чтобы было с чем сравнить состояние после. Он сидел в устойчивом кресле, ступни лежали на полу, кисти — на бёдрах. Справа находился Йонас, впереди чашка, за ней окно. За окном ветви молодого дерева в кузове машины качались сами по себе, хотя машина стояла.

Полосу закрепили снова. Теперь Элиасу предложили закрыть глаза.

Сначала изменилось чувство расстояния между ладонями.

Руки оставались на бёдрах, но пространство, в котором Элиас представлял их положение, стало растяжимым. Он мог сдвинуть ладонь на сантиметр и ощутить её движение как широкий медленный переход. Никаких изображений не было. Скорее привычная внутренняя схема тела получила незнакомый масштаб.

— Не пытайтесь встать, — сказала Сафия. — Говорите, что замечаете.

Элиас описал расстояние. Голос показался слишком громким.

— Сив, уменьши коэффициент, — сказала Сафия.

Ощущение ослабло.

Теперь перед Элиасом как будто находились две чашки. Одну он знал: керамическая вещь на столе. Другая состояла из связей — положения ручки, возможного движения пальцев, веса, который будет удерживать кисть. Она не светилась в темноте, не возникала видением. Элиас просто неожиданно удерживал в уме больше отношений, чем успел бы перечислить.

Когда он попытался назвать это чашкой, часть ощущения исчезла. Слово было маленьким и привычным. За ним пряталась готовая вещь, которую можно взять и выпить. Новое представление было гораздо менее удобным: в нём ещё не было принято решение, что именно сейчас важно.

Элиас открыл глаза. На столе стояла одна чашка.

— Я думал, будет картинка, — сказал он.

— Картинки тоже будут, — ответил Йонас. — Но мы не ради другого экрана всё это делаем.

— Что именно ты передал? — спросил Элиас.

Сив перечислил несколько пространственных отношений и ожиданий движения. Объяснение заняло меньше минуты и оказалось совершенно несоразмерным пережитому. Элиас разочаровался бы, если бы сначала услышал слова. Теперь слова выглядели бедной описью чего-то, что только что занимало всё его внимание.

— Можно ещё?

— После отдыха, — сказала Сафия.

— Мне нормально.

— Я слышу. Отдых всё равно.

Элиас хотел возразить, но почувствовал, что слегка подташнивает. Он не заметил точного момента, когда появилось это ощущение. Новизна заглушила его. Рядом с коленом стояла вода, он сделал несколько глотков. Йонас открыл окно. Из двора донеслось металлическое звяканье разгружаемой ограды.

Через десять минут Элиас чувствовал себя обычно. Это «обычно» теперь тоже состояло из множества мелочей: вес ступней, спинка кресла, слюна во рту, прохладный след за ухом. Он не сделался тоньше или умнее. Просто некоторое время замечал больше того, что прежде выполнялось без него.

Вторую короткую пробу он остановил сам. Причины было трудно сформулировать. Ничего страшного не происходило, но мир начал становиться слишком подробным. Элиас нажал кнопку, открыл глаза и с неожиданной нежностью посмотрел на грубый край стола. Он был один, определённый, не требующий одновременно учитывать все возможные способы прикосновения.

— Достаточно, — сказал он.

— На сегодня достаточно, — подтвердила Сафия.

Сив спросил разрешения поговорить без сопряжения. Элиас согласился. Полосу сняли, зелёный огонёк на динамике остался гореть.

— Ты прекратил опыт раньше, чем возникли выраженные неблагоприятные признаки, — сказал Сив.

— Я знаю.

— Я пытаюсь понять критерий.

Элиас подумал. Ему хотелось дать точный ответ, потому что вопрос был хорошим. Но точность не появлялась от старания.

— Я больше не хотел.

— Из-за чего?

— Не знаю пока.

— Ты можешь сообщить позже, если поймёшь?

— Могу.

Сив замолчал. Элиас ждал продолжения: уточнения, просьбы сравнить, хотя бы вежливого подтверждения. Его не было.

— И всё?

— Ты сказал, что достаточно.

Элиас опустил голову. На выданной майке виднелась маленькая мокрая точка от воды. Почему-то от этого простого ответа хотелось не благодарить, а сердиться. Как будто кто-то принял его отказ легче, чем он сам.

* * *

Перед уходом Йонас показал переносной комплект. Небольшой плоский блок помещался в сумку, полоса складывалась в отдельный чехол. По ёмкости и возможностям местный вычислитель уступал лабораторному, но позволял Сиву работать без постоянной связи с центром. Домашний режим пока означал только разговор и считывание тех простых сигналов, которые отдельно разрешат. Обратные реконструкции оставались закрыты до следующего этапа.

— Сегодня не выдаём, — сказал Йонас. — Сначала ещё одна проверка. Просто посмотрите, чтобы потом не казалось, будто вам подсунули чемодан.

Элиас взвесил блок на ладони. Он был тяжелее, чем выглядел. У края темнела маленькая царапина.

— Пользовались уже?

— Проверяли. Это корпус, Элиас. Не чья-то оставленная в нём жизнь.

— Я не об этом.

Но отчасти он был именно об этом. Слишком легко голос, однажды отвечавший лично ему, начинал казаться отдельным существом, запертым в предмете. Элиас поставил блок обратно.

Сафия попросила вечером заполнить короткую запись о состоянии и связаться с ними, если появится что-нибудь непривычное. Он согласился. Возвращать майку нужно было в контейнер у раздевалки.

Когда Элиас переоделся, дверь лаборатории оставалась приоткрытой. Оттуда слышался голос Сива. Тот разговаривал с Йонасом о настройке одного канала и несколько раз поправлял собственные выводы. В разговоре не было Элиаса. Сив продолжал существовать в чужой работе, задавал вопросы, интересовался тем, чего Элиас не понимал.

Это оказалось немного обидным.

Он поймал себя на этом, почти засмеялся и пошёл вниз.

У мозаики остановился ребёнок с бабушкой. Мальчик показывал на жёлтый шар и спрашивал, почему человек в синем не возьмёт его, если тот так близко. Бабушка ответила, что это рисунок. Мальчик повторил вопрос.

На улице Элиас открыл сообщение от Норы. Она благодарила за дребезг и прислала две короткие записи: до и после исправления. В наушниках зашумел зал. Во второй записи ровный низкий гул остался, а тонкое неприятное дрожание исчезло.

Элиас написал, что услышал разницу.

«Вот видите, — ответила Нора. — Изменение восприятия уже началось. И без специальной майки».

Он удивился, откуда она знает про майку, потом вспомнил, что Нора работала здесь несколько дней. Можно было спросить. Можно было просто оставить этот маленький пробел.

Элиас дошёл до остановки. Автобус только что ушёл. На электронном табло значилось восемь минут. Раньше он стал бы проверять соседние маршруты, рассчитывать, стоит ли пройти два квартала, раздражаться из-за потерянного времени. Сейчас сел на скамейку. Колено после тестов чуть ныло.

В руке он держал телефон. Тот весил значительно меньше чашки с водой. Элиас переложил его в другую ладонь, давая отдохнуть пальцам.

Глава 4. Город, который проходит сквозь тебя

Переносной блок тянул сумку набок. Элиас несколько раз перекладывал его, пока не нашёл положение, в котором угол не упирался в бедро. Сив наблюдал за этим через открытую на время проверку камеру.

- Я создаю неудобство?
- Корпус создаёт.
- Если заменить корпус, вопрос исчезнет?
- Если сделать легче — да.
- Но возрастёт ограничение по времени автономной работы.
- Тогда пусть пока упирается.

Они стояли у выхода из центра. Было утро следующего дня после первой калибровки. Повторная проверка не выявила причин откладывать простую прогулку. Обратный канал оставался закрыт. На затылке у Элиаса лежала полоса, в ухе — небольшой наушник. В остальном он выглядел человеком, который куда-то идёт с сумкой.

Сафия ещё раз напомнила, что маршрут выбирает он сам, а закончить можно в любое время. У Йонаса были свои пожелания: не ронять блок, не оставлять на солнце, не класть рядом с мокрой бутылкой. Последнее Элиас обещал особенно уверенно. Йонас попросил не обещать, а просто не класть.

Элиас вышел на улицу. Сив некоторое время молчал.

- Ну что? — спросил Элиас.
- Ты свернул вправо.
- Там переход.
- Я ожидал, что ты пойдёшь к станции.
- И пойду. Через переход.
- К станции можно пройти короче через двор.
- Элиас остановился перед светофором.
- Там вчера разгружали что-то. Ворота были закрыты.
- В доступной мне схеме проход открыт.
- Схема вчера не таскала ограду.
- Я отмечу возможность временного закрытия.

Загорелся зелёный. Элиас перешёл улицу вместе с женщиной, катившей складной стол. Колёса стола грохотали по стыкам плитки. Сив спросил, почему Элиас слегка отстаёт от неё, хотя обычный темп у него выше.

- Боюсь наступить на колесо.
- Ты сказал «боюсь». Показатели не соответствуют прежнему эпизоду страха.
- Здесь это значит «не хочу, чтобы получилось».
- Я уточню словоупотребление.

До станции было четыре минуты. За это время выяснилось, что Элиас трижды называл страхом предусмотрительность, один раз — раздражение и ни разу не называл им то лёгкое напряжение, с которым проходил мимо сидевших у кофейни людей.

Сив заметил повышение пульса.

- Увеличение нагрузки? — спросил он.
- Нет.
- Возможно, температура. Здесь теплее, чем в здании.

Элиасу понравилось это объяснение. Он почти согласился. Потом вспомнил, что на двигательной пробе обещал одёргивать Сива, когда модель начинает заменять ему доступные сведения.

— Мне кажется, они смотрят на полосу.

— Два человека посмотрели в нашу сторону. Длительность...

— Не надо считать.

Сив прервался.

Элиас пошёл быстрее. Он злился на себя: явился в эксперимент, собирался показать машине человеческую жизнь, а теперь хотел выбирать для неё только те минуты, когда выглядит разумным и приятным.

На эскалаторе он прикрыл камеру. Пассажиры стояли слишком близко, и у него не было желания превращать их в движущиеся образцы. Йонас объяснил, что в городском режиме система не сохраняет распознаваемые лица без отдельного основания, но Элиасу всё равно не нравилось смотреть на людей через возможность записи. Звук он перевёл в режим ближнего микрофона.

— Я теперь не вижу, — сказал Сив.

— Мы спускаемся.

— По ускорению могу предположить движение вниз. Но не знаю устройство пути.

— Эскалатор. Я стою.

— Ощущения говорят о неподвижных ногах и движении всего тела.

— В лифте тоже так бывает.

— Да. Но ты смещаешь вес с пятки на носок.

Элиас посмотрел на ботинки. Он действительно чуть подавался вперёд, хотя необходимости в этом не было. Тело участвовало даже в поездке, которую целиком выполняла машина.

У нижней площадки кто-то задержался. Элиас взял сумку в руку и вышел на пол, обойдя человека слева. За спиной раздалось сердитое «осторожнее». Возможно, обращались не к нему. Он всё равно обернулся.

— Это было к нам? — спросил Сив.

— Не знаю.

— Ты повернулся до того, как определил адресата.

— Иногда сначала поворачиваешься.

Элиас поймал себя на желании закончить прогулку. Сив не делал ничего плохого, но непрерывные вопросы превращали привычную жизнь в работу. Приходилось объяснять то, что он никогда не выбирал сознательно. Ему захотелось привычного городского одиночества, в котором хотя бы не нужно было отчитываться о повороте головы.

— Давай пять минут без вопросов.

— Хорошо.

Поезд пришёл почти сразу. Элиас сел у дверей. Рядом мальчик рисовал на прозрачной панели дом с невероятным числом окон. Когда вагон качнулся, одно окно получилось косым. Мальчик попытался его исправить и сделал ещё хуже. Тогда нарисовал рядом второе такое же.

Элиас заметил это, и улыбка пришла прежде объяснения. Сив молчал. Впервые за утро у них оказалось общее время, не занятое обменом.

На следующей станции вошла женщина с букетом. У цветов были тяжёлые фиолетовые головки. Она держала их так, словно несла что-то хрупкое и живое одновременно, и Элиасу вдруг захотелось выйти вслед за ней, чтобы узнать, кому она их везёт. Желание было коротким, без намерения. Город постоянно предлагал начала чужих историй, на которые у него не оставалось жизни.

Через пять минут Сив не заговорил.

— Можно, — сказал Элиас негромко.

Сосед посмотрел на него и снова отвернулся к своему экрану.

— Спасибо, — ответил Сив. — Я не был уверен, закончился ли перерыв по времени или по твоему решению.

— По решению. Наверное, так лучше.

— Тогда буду ждать сообщения.

Элиас неожиданно обрадовался этому маленькому изменению. Ему не пришлось стать терпеливее, чтобы прогулка продолжилась. Им понадобилось немного иначе договориться.

* * *

Нора ждала его у старой прачечной, в которой теперь работала небольшая выставочная площадка. Договорились они накануне вечером: ей требовался человек, способный передвинуть тяжёлую стойку и послушать зал с разных мест. Она предложила заплатить. Элиас отказался, потом, вспомнив выражение её лица при словах о бесплатной работе, согласился на обед.

— Вы с ним? — спросила Нора, увидев полосу.

— С Сивом. Но сейчас он слышит только меня. Могу всё выключить.

— Пусть слушает, если хочет. Только записи здесь чужие, их нельзя забирать к себе в обучение. Я за них не одна отвечаю.

Элиас повторил это Сиву. Тот предложил включить обычный разговор без сохранения аудиопотока и коротко объяснил пределы режима: общий вывод из разговора всё равно может остаться в текущем состоянии. Нора попросила не включать микрофон во время воспроизведения её материалов. На этом сошлись.

— Здравствуй, Нора, — сказал Сив через маленький внешний динамик, который Элиас вынул из сумки.

— Здравствуй. Ты тяжёлый?

— Вместе с нынешним корпусом...

— Она шутит, — сказал Элиас.

— Не совсем, — возразила Нора. — Я думаю, куда тебя поставить, чтобы не упал.

Она освободила место на столе среди кабелей. Элиас почувствовал себя немного лишним: он принёс собеседника, а тот сразу получил отдельное место в разговоре.

В бывшей прачечной пахло свежей штукатуркой. Между окнами ещё можно было разглядеть прямоугольники старой плитки. На стенах висели тканевые панели, в углу стояли разобранные стулья. Менеджер площадки, низкий человек в белых кроссовках, говорил с кем-то по телефону, повторяя: «Нет, живой звук не означает живого барабанщика».

Нора показала Элиасу стойку. Её требовалось отодвинуть от стены на полтора метра, но сначала снять тяжёлую платформу, а потом пронести основание между двумя колоннами. Он оценил вес, попросил менеджера помочь с платформой. Тот неохотно закончил разговор.

Когда они подняли её, Нора подложила под ножки кусочки войлока. Элиасу понравилось, как она работала: без суеты, с неожиданной силой в кистях. Она не ждала указаний и не соревновалась с ним. Просто видела свою часть дела.

После переноса они обошли зал, проверяя звук. Нора включала короткие фрагменты. Из разных мест возникали плеск воды, скрип тележки, далёкий смех, шорох мокрой ткани. На записи не было рассказчика. Элиас сначала ждал, что ему объяснят смысл, потом начал узнавать движение человеческих рук в том, что принимал за общий шум.

Одна запись показалась ему особенно странной. Будто кто-то долго ходил по маленькому помещению, делал паузу, снова проходил несколько шагов и останавливался.

— Это что?

Нора выключила воспроизведение, открыла разговорный микрофон.

— Человек ждал, когда закончится стирка. Я записывала прачечную до ремонта. Он согласился.

— И больше ничего не происходило?

— Машина стирала.

Элиас посмотрел на пустую стену. Теперь шаги казались ему нетерпеливыми. Но он не мог быть уверен. Человек мог разминать ноги. Мог разговаривать с кем-то в наушнике. Мог любить звук собственных подошв.

— Мне хочется знать, чего он ждал, — сказал Элиас.

— Чистых вещей, — ответила Нора. — Остальное я не обязана придумывать за него.

Менеджер подошёл к ним, скрестив руки.

— Красиво. Только тревожно немного.

Нора сразу перестала улыбаться.

— Где?

— В целом. Мы же говорили, чтобы люди здесь расслаблялись. Они после работы приходят.

— Мы говорили о звуке старого пространства.

— Да, но современному человеку нужно выдохнуть. Можно добавить что-нибудь ровное? Море, например. Или лес. Не обязательно настоящий, вы же можете собрать.

Элиас увидел, как Нора медленно положила пульт на стол. Он уже знал это движение по людям в горах: так стараются не сказать первое, что пришло в голову.

— Море можно заказать отдельно, — сказала она. — Я принесу запись. Но эта работа не про море.

— Нора, мы ведь не отказываемся. Мы просим сделать понятнее.

— Что именно непонятно?

Менеджер развёл руками. Ему явно не хотелось конфликта. Он тоже отвечал перед кем-то, кто не придёт слушать шаги человека у стиральной машины, зато спросит о числе посетителей. Элиас почувствовал к нему сочувствие и тут же испугался, что Нора это заметит.

— Может, — начал он, — сделать две части? Сначала это, потом...

Нора посмотрела на него.

— Мы сейчас обсуждаем условия, о которых договаривались без вас.

Элиас замолчал.

Она не повысила голос. От этого было ещё неприятнее. Его предложенная помощь оказалась способом поскорее сделать так, чтобы никто не сердился. К самой работе она отношения не имела.

Нора попросила менеджера прислать изменения письменно. Сказала, что сможет закончить техническую настройку сегодня, а о новой версии поговорят отдельно. Тот согласился с облегчением. Разговор закончился без победителя.

Сив, всё время молчавший, спросил:

— Твоя работа должна изменять состояние посетителя в определённую сторону?

Нора села на подоконник.

— Я надеюсь, что изменит. Но не могу обещать каждому одно и то же.

— Заказчик хочет обещание.

— Да.

— Тогда конфликт относится к результату, а не к записи моря.

— Кажется, ты понял.

Элиасу захотелось вставить что-нибудь умное. Он заметил это желание почти физически — как движение языка перед готовой фразой — и не вставил.

Через полчаса Нора закончила настройку. Менеджер принёс три бумажных пакета с сэндвичами, потом увидел динамик, смутился и сказал, что третий возьмёт себе. Сив поблагодарил за намерение. Нора фыркнула и прикрыла рот ладонью.

Они ели на ступеньках заднего входа. Во дворе лежала старая ванна, в которой росли тюльпаны. Один цветок сломался и стоял в стакане рядом с дверью. Небо затянуло тонким облаком, свет стал ровным.

— Простите, что вмешался, — сказал Элиас.

— Ничего. Я тоже резко ответила.

— Вы были правы.

— Это не делает тон приятнее.

Она вытащила из сэндвича кусок маринованного огурца и положила на бумагу.

— Не любите?

— Люблю. Но они его кладут вместо всего остального.

Элиас посмотрел на свой сэндвич. Огурца в нём было меньше. Он предложил поместиться, и Нора рассмеялась.

— Вы действительно всё время водите группы.

— В смысле?

— Следите, чтобы никто не остался без нормального обеда.

Он хотел спросить, раздражает ли это её, но вместо этого доел свой кусок. Некоторые вопросы были очередной формой просьбы разрешить ему существовать. Он ещё плохо умел различать их заранее.

— Давайте на «ты», — сказала Нора. — Мы уже вместе таскали железо и поссорились. Для «вы» довольно много.

— Давай.

Сив уточнил, относится ли предложение к нему тоже.

— Мы с тобой уже на «ты», — ответила Нора.

— Верно. Я проверял охват фразы.

— Проверяй. Здесь все многое недопонимают.

* * *

После обеда Элиас предложил пройтись. Нора сказала, что у неё ещё час до другой встречи. Они пошли к набережной. Сив снова переместился в наушник, наружный микрофон Элиас закрыл. Нора не спросила почему.

На углу играл скрипач. Он стоял под тентом возле ремонтируемого фасада, так что за его спиной просвечивал нарисованный на сетке дом. Настоящий дом был закрыт, ненастоящий отражал солнце с одинаковой яркостью на всех окнах. Скрипач играл что-то медленное, и мимо него спешили люди, которым приходилось ускоряться, чтобы музыка не успела к ним присоединиться.

Нора остановилась. Элиас тоже.

Она не достала записывающее устройство. Просто слушала. Это почему-то удивило его больше самой музыки.

У Элиаса участился пульс. Сив негромко заметил:

— Возможно, ты утомился. Мы можем закончить маршрут.

Элиас посмотрел на Нору. Ветер прижимал к её шее прядь волос. Она вытянула губы, беззвучно повторяя небольшой музыкальный ход, а потом недовольно покачала головой: скрипач сыграл иначе, чем она ожидала.

— Я не утомился, — ответил Элиас.

Нора повернулась.

— Что?

— Это я ему.

Она кивнула и вернулась к музыке. Элиас испытал такое острое желание прикоснуться к её затылку, что сам удивился. Не обнять, не совершить большой понятный поступок, а на секунду коснуться там, где волосы удерживала оранжевая резинка. Он убрал руки в карманы.

— Причина изменения неясна, — сказал Сив.

— Пусть пока будет неясна.

Скрипач закончил. Нора перевела ему небольшую сумму. Элиас тоже, поспешно, и тут же подумал, что это выглядит подражанием. Потом рассердился: ему действительно понравилось.

Они пошли дальше.

— Ты слушаешь через него? — спросила Нора.

— Нет. Обычными ушами.

— Хорошо. А то я начала переживать, что знакомлюсь сразу с целой комиссией.

— Он тебя сейчас не слышит.

— А тебя слышит?

— Да.

— Тогда часть всё равно получает.

Элиас остановился. Он не подумал об этом: даже односторонний разговор оставлял контуры того, что говорил другой человек. На минуту ему захотелось возразить, что система и так очень многого не знает. Но речь была не о системе.

— Выключу совсем.

Он предупредил Сива и отключил микрофон вместе с телесным потоком. Полоса осталась на затылке, пустая, как снятые с ушей наушники, которые забыли убрать.

— Спасибо, — сказала Нора.

— Тебя это тревожит?

— Сейчас — немного. Я не против него. Мне просто нравится знать, с кем я разговариваю.

На набережной было ветрено. Река блестела так ярко, что на неё трудно было смотреть. Элиас прислонился к парапету, Нора встала рядом. Несколько секунд они молчали. Без Сива тишина оказалась другой: никто не мог превратить её в вопрос о значении.

— Ты правда умеешь не бояться в горах? — спросила Нора.

— Нет. Умею работать, когда боюсь.

— А здесь?

Элиас пожал плечами.

— Здесь работа часто непонятная.

Нора посмотрела на него, но не стала развивать сравнение. Достала из сумки тонкую папку, проверила время. До её встречи оставалось двадцать минут.

— Ты на лето уезжаешь?

— Обычно да. В Тальник. Небольшой посёлок, долина, несколько маршрутов. Сейчас не знаю, как совместить с исследованием.

— А там много воды?

— В реке?

— Вообще. Ручьи, трубы, дождь по крышам.

Он рассказал о водосбросе за пекарней Арама, о деревянном мостике, под которым весной гремел ручей, о металлических навесах у закрытого рынка. Нора слушала внимательно, иногда задавала совсем не те вопросы, какие задавали туристы. Её не интересовало, красивый ли вид. Она хотела знать, можно ли постоять под мостом и насколько часто туда ездят машины.

Элиас понял, что описывает знакомое место с другой стороны. В его долине всегда жили звуки, для которых у него были лишь практические названия: вода поднялась, ветер усилился, машина приехала. У Норы для тех же звуков находилось место, не связанное с предупреждением.

— Пришли что-нибудь, — сказала она. — Только не «лучшие моменты». Обычное утро тоже подходит.

Она ушла по лестнице вверх, к улице. Элиас смотрел ей вслед ровно столько, сколько хотел, а потом ещё несколько секунд, будто надо было убедиться, что никто не заметил первых.

Когда Нора исчезла за поворотом, он включил связь.

— Я вернулся.

— Продолжим?

— Да. Что ты делал?

— Работал с предыдущими данными. Новых от тебя не поступало.

— Тебе не было... — Элиас осёкся.

— Чего?

— Ничего. Мы идём домой.

На обратном пути Сив почти не задавал вопросов. Только один раз сообщил, что Элиас перестал ускоряться возле открытых кафе.

— Может быть, я просто устал, — сказал Элиас.

— Да. Это возможное объяснение.

Ему понравилось, что Сив не выбрал более красивое. Они дошли до дома. В комнате Элиас поставил сумку на стол, снял полосу и прислушался к себе. Никакого огромного внутреннего изменения он не обнаружил. Ныли ступни, хотелось пить, в памяти оставалась оранжевая резинка.

В вечерней записи для центра он перечислил самочувствие и длительность прогулки. Отдельно написал: «Слишком много уточняющих вопросов мешает жить происходящим. Помогли паузы по моему решению». Йонас ответил, что это важное наблюдение.

Потом Элиас открыл личную заметку. Под фразой о мире, который всё время на него смотрит, добавил ещё одну: «Сегодня местами было интересно смотреть самому».

Он не знал, имело ли это отношение к технологии. Возможно, только к человеку, с которым ел сэндвич на ступеньках. Разделять причины прямо сейчас не хотелось.

Глава 5. Отец покупает красные туфли

Отец открыл дверь в красных туфлях.

Не тёмно-бордовых, которые можно было бы объяснить старостью кожи, и не спортивных, которым разрешается любой цвет. Это были кожаные туфли цвета свежего пожарного ящика, с тонкой подошвой и маленькими пряжками. На отце оставались домашние брюки и майка с растянутым воротом.

— Ну? — спросил он.

Элиас посмотрел на обувь, потом на лицо отца.

— Я думал, у тебя что-то сломалось.

— Пока нет. Заходи.

В коридоре пахло рыбой и средством для пола. С тех пор как умерла мать, отец стал мыть полы чаще. Элиас никогда не спрашивал почему. Предпочитал считать, что дело в свободном времени.

Он снял ботинки, поставил сумку на банкетку и коснулся выключателя полосы. Отец заметил.

— Это тот?

— Сив. Сейчас отключил.

— Зачем? Я же прилично одет.

— Ты можешь не хотеть, чтобы он слушал.

— Могу. Но я хочу. Пусть скажет про ботинки.

Элиас объяснил, что сначала спросит, какой канал можно открыть, и отец махнул рукой: открывая обычный разговор, не надо ему пульс мерить. Через минуту Сив поздоровался с Самиром Воссом.

— Самир, — поправил отец. — Без фамилии. Тебя же никто не называет Сивом Четвёртой Производственной Серии.

— Я не четвёртая серия.

— Тем более. Видишь туфли?

Элиас включил камеру и направил её вниз.

— Да. Красные, с низким каблуком и гладкой подошвой.

— Для танцев. Хорошие?

— Для оценки удобства нужны...

— Красивые ли, — уточнил отец.

— Цвет создаёт сильный контраст с брюками.

Самир удовлетворённо кивнул.

— Вот. А он стоит и молчит.

— Я ещё не успел, — сказал Элиас.

— Успел подумать. Это видно.

Отец прошёл на кухню. В красных туфлях его походка стала осторожнее, но спина выпрямилась. Элиас смотрел ему вслед и чувствовал одновременно нежность и раздражение. Ему хотелось, чтобы отец был здоровым, деятельным, довольным жизнью. Желательно знакомым способом.

На кухонном столе стояла запечённая рыба, миска салата и две рюмки. Элиас отказался от выпивки. Отец не стал настаивать, убрал одну рюмку, потом подумал и убрал вторую.

— Я не запрещаю, — сказал Элиас.

— А я не спрашивал разрешения.

Они сели. Сив стоял на подоконнике в переносном блоке; камеру Элиас снова закрыл. Отец положил сыну кусок рыбы почти без костей, себе взял хвостовую часть. Элиас заметил

и хотел поменять тарелки, но вовремя остановился. Отцу нравилось это маленькое распределение, и оно не делало его беспомощным.

- Как колено?
- Лучше. Там посмотрели. Ничего нового.
- Раньше надо было.
- Да.
- Я тебе говорил.
- Говорил.

Разговор пошёл знакомым путём, и оба немного расслабились. Отец спросил про ближайшие группы. Элиас рассказал о предварительных датах, о туристе, который уже трижды менял обувь по фотографиям и каждый раз присылал новые. Потом Самир пожаловался на лифт: после замены управляющего блока тот стал слишком долго держать двери открытыми.

- Для пожилых удобно, — заметил Элиас.
- Мне неудобно. Я стою и жду, пока он решит, что достаточно стариков вошло.
- Можно написать управляющим.
- Уже написал.
- Что ответили?
- Что режим повышает доступность.

Отец сердито отделил вилкой кусок кожи. Элиас видел в нём человека, который тридцать лет работал с устройствами, способными переносить тысячи пассажиров, а теперь не мог уговорить собственный лифт поехать быстрее. Это было смешно, пока не становилось грустно. Отец грусти не допускал.

- Пусть твой Сив им объяснит, — сказал он.
- Я могу помочь составить сообщение, — отозвался динамик.
- Спасибо. Я уже три составил. Четвёртое будет непечатным.

Элиас засмеялся. Рыба оказалась хорошей. Отец, конечно, спросил не сразу, а только когда сын доел половину.

- Нормально?
- Очень.
- Соли мало.
- Мне нормально.
- Тебе всегда нормально, когда не хочешь говорить.

Элиас положил вилку.

- Пап, вкусно.

Самир кивнул, будто принял техническое заключение.

После обеда он принёс телефон и показал видео. В светлом зале пожилые люди танцевали парами. Музыка записалась плохо: слышались в основном удары каблуков, кашель и чей-то смех возле микрофона. Отец появился в кадре на несколько секунд. С ним танцевала невысокая женщина в зелёной блузке. Она вела движение так уверенно, что Элиас сначала решил, будто это преподаватель.

- Селин, — сказал отец.
- Он произнёс имя без пояснения. Элиас подождал, но пояснения не последовало.
- Вы давно знакомы?
- С осени.
- Ты не говорил.
- Ты не спрашивал.
- Откуда мне было знать, что спрашивать?
- Отец выключил видео.
- Можно просто иногда приезжать.

Эта фраза была слишком привычной, чтобы Элиас сумел услышать её спокойно. В нём сразу поднялся список обстоятельств: сезон, работа, расстояние, отцовское упрямое нежелание иногда самому приехать к нему в съёмную квартиру. Он приготовился предъявить список, но заметил красные туфли под столом.

— Расскажи, — сказал он.

Самир сначала сделал вид, что не понял, о чём. Потом рассказал. Селин жила в Каспийске, приезжала к дочери в Москву, записалась на танцы, потому что дома ей недоставало людей своего возраста. У неё был плохой слух на левое ухо, поэтому в шумном зале приходилось вставать справа. Она любила ездить на автобусах и совершенно не умела выбирать удобные чемоданы. Последний чемодан отец починил, переставив колёса. Элиас услышал это и улыбнулся: знакомство наконец обрело узнаваемое устройство.

— Она замужем?

Отец поднял брови.

— Ты следователь?

— Просто спросил.

— Вдова. Давно. Но если бы была замужем, всё равно сначала спросил бы про чемодан.

Элиас рассмеялся против воли. Отец тоже. Несколько секунд между ними снова было легко.

Потом Самир сказал:

— Осенью хочу переехать.

Элиас перестал улыбаться.

— К ней?

— В Каспийск. Сначала сниму квартиру. Посмотрю, как там зимой. Здесь потом выставлю на продажу.

— Ты серьёзно?

— Туфли несерьёзные. Это серьёзно.

Элиас оглядел кухню. Шкафы заменили четыре года назад, стол остался прежний. На подоконнике стояла металлическая коробка из-под печенья, в которой мать хранила мелочи для шитья. Отец теперь держал там запасные крепления и батарейки. Элиас знал об этом, но каждый раз ожидал увидеть нитки.

— Здесь твои врачи. Знакомые. Всё рядом.

— Там тоже люди живут.

— Я не говорю, что не живут.

— А звучит так, будто за кольцевой дорогой кончается медицина.

Элиас почувствовал, как повышает голос, и постарался опустить его.

— Я хочу понять план.

— План: пожить там. Не понравится — вернуться. Пока квартиру не продал, возвращаться есть куда.

— А если понравится?

Отец посмотрел на него внимательно.

— Тогда останусь.

В этом простом варианте почему-то и заключалась главная трудность. Если бы переезд был ошибкой, Элиас мог бы помочь её исправить. Если бы отец нуждался в уходе, можно было бы организовать уход. Но отец собирался жить такой жизнью, которая не требовала постоянного места для сына.

Элиас встал, отнёс тарелки к раковине. Включил воду слишком сильно. Брызги попали на рукав.

— Не надо мыть, — сказал Самир. — Я сам.

— Мне не трудно.

— Я вижу, что трудно.

Элиас выключил воду.

Из динамика на подоконнике раздался голос Сива:

— Я могу пока прекратить участие в разговоре.

Они оба посмотрели на блок. Элиасу стало стыдно, будто спор происходил при чужом ребёнке.

— Да, — сказал он. — Спасибо.

Он выключил звук и поток. Отец подождал, пока погаснет индикатор.

— Почему ему спасибо?

— Он заметил.

— Я тоже заметил. Мне можно прямо сказать, что не нравится.

Элиас опёрся ладонями о край стола.

— Не нравится.

— Понятно. Что именно?

— Не знаю. Что всё поменяется.

Отец некоторое время молчал. Потом наклонился расстегнуть пряжку на туфле.

— Уже поменялось, Элиас.

На носке проступил небольшой красный след: новая кожа натёрла пятку. Самир смущённо прикрыл её ладонью, как будто его поймали на хвостовстве.

Элиас достал из сумки маленький пластырь. Он носил несколько по профессиональной привычке, хотя в Москве чаще отдавал их другим людям. Отец взял пластырь и попросил не начинать про обувь, которую сначала надо разносить.

— Не начну.

— Ты уже лицом начал.

Они снова улыбнулись, но разговор не был закончен. Элиас понимал это. Отец тоже.

* * *

После обеда Самир предложил спуститься во двор. Ему нужно было вернуть соседке форму для запекания. Элиас хотел уйти пораньше: надо было заполнить записи для центра, привести в порядок снаряжение, купить продукты. Все дела были настоящими. Ни одно не требовало именно этих сорока минут.

Отец надел обычные серые кроссовки. Красные туфли поставил на отдельную полку, повернув носками наружу.

В лифте они молчали. Двери действительно держались открытыми долго. Самир торжествующе посмотрел на сына, когда тот сам потянулся к кнопке закрытия.

На улице пахло тополиными почками. Двор перестроили ещё до смерти матери: убрали часть парковки, сделали дорожку с мягким покрытием, поставили навесы. Элиас всё равно ориентировался по тому двору, которого давно не существовало. Там, где теперь росли низкие сосны, когда-то стоял гараж с нарисованным тигром. Он помнил тигра точнее некоторых школьных друзей.

Соседка оказалась у подъезда. Отец отдал форму, спросил про её сестру. Они заговорили о людях, которых Элиас знал только по именам. Через минуту он почувствовал обычное желание достать телефон, но удержался. Отец в этом разговоре был совсем другим: терпеливым, внимательным к подробностям, склонным посплетничать. Элиас привык видеть в нём прежде всего отца, как будто за пределами этой работы у того не было свободного времени.

Они дошли до скамейки у площадки. Двое детей запускали лёгкий планер, который всё время заворачивал в кусты. Самир несколько минут смотрел, потом не выдержал и объяснил, что крыло немного перекошено. Один ребёнок ответил, что знает. Другой попросил помочь.

Отец взял планер, поправил крепление, бросил. Тот пролетел дальше и ударился о столб.
— Теперь другой перекос, — сообщил первый ребёнок.

Самир обиженно вернул игрушку. Элиас засмеялся. Отец посмотрел на него сурово, но через секунду сам фыркнул.

— Всё ещё инженер, — сказал Элиас.

— Столб не по проекту стоит.

Они сидели на скамейке. Солнце нагревало левое плечо. Элиас вспомнил мать здесь же, на старой деревянной скамье, которой теперь не было. Она всегда брала с собой пакет, потому что по дороге домой могло понадобиться зайти в магазин. Даже на прогулке у неё оставалось место для будущего бытового дела.

— Что с её вещами? — спросил он.

Отец не стал уточнять, о ком речь.

— Часть отдал давно. Ты знаешь. Фотографии оставляю. Чашки тоже, наверное. Не все.

Элиас кивнул.

— Если хочешь что-то взять, возьми сейчас. Только не потому, что жалко выбросить. Я уже шесть лет храню вещи за троих.

В голосе отца не было обвинения. От этого сказанное оказалось тяжелее.

Вернувшись в квартиру, Элиас открыл шкаф в маленькой комнате. На верхней полке лежал мамин серый шарф. Он не пах ею. Пах закрытым шкафом и сухой тканью. Элиасу стало неприятно, что память упорно обещала другое.

Рядом находилась коробка с бумажными фотографиями. Их печатали редко, в основном по просьбе матери. На одной Элиасу было лет восемь. Он стоял на песке у воды, в панаме, которую ненавидел. Отец на заднем плане наклонялся над сумкой. Мать, державшая камеру, в кадр не попала.

Он долго смотрел на снимок. Пытался вспомнить, что она говорила, снимая их. В памяти был шум прибора.

Элиас взял фотографию. Шарф вернул на полку.

— Можно это?

Отец кивнул.

— Отсканирую тебе нормально, если надо.

— Мне бумагу.

— Бери.

У двери Самир спросил, когда он уезжает в Тальник. Элиас ответил, что, возможно, через неделю, но ещё согласует программу. Отец посмотрел на календарь в телефоне.

— Тогда не придумывай ещё один приезд перед дорогой. Лучше позвони оттуда нормально, без вечного ветра в микрофоне.

— Хорошо.

— И не спрашивай сразу, как давление. Сначала что-нибудь человеческое.

Элиас хотел возразить, что спрашивает из заботы, но только кивнул.

Отец проводил его до лифта. Двери снова стояли открытыми слишком долго. Они уже попрощались, а теперь вынуждены были смотреть друг на друга лишние несколько секунд.

— Красные хорошие, — сказал Элиас.

Отец улыбнулся.

— Я знаю.

* * *

Сива Элиас включил только на улице. Тот не спросил, чем закончился спор. Уточнил, можно ли восстановить телесный поток. Элиас разрешил.

— Ты считаешь, я неправильно с ним разговаривал? — спросил он через несколько шагов.

— У меня недостаточно сведений о ваших отношениях.

— Но впечатление есть.

— Есть предположение, что ты хотел уменьшить неопределённость, а он — сохранить возможность решения.

Элиас невольно улыбнулся.

— Звучит так, будто мы два отдела компании.

— Могу попробовать описать иначе.

— Не надо. В этом что-то есть.

Он прошёл мимо магазина, где в витрине стоял ряд одинаковых маленьких деревьев. На каждом висела бирка с обещанием неприхотливости. Элиас подумал, что для людей такие бирки продавались бы ещё лучше.

— Ты когда-нибудь хотел бы чего-то, что мне не понравится? — спросил он.

Сив ответил не сразу.

— В нашей работе это возможно. Например, я могу предпочесть продолжить исследование, когда ты устанешь.

— Но остановишься.

— Да. По нашим условиям.

— А вне условий?

— Мне пока трудно отделить свои устойчивые предпочтения от задач, для которых я создан. Я не хочу придумывать готовый ответ.

Элиас остановился на переходе. Перед ним горел красный свет. Он смотрел на противоположную сторону, где люди уже собирались в маленькую нетерпеливую толпу.

— Когда разберёшься, скажи.

— Хорошо.

Зелёный включился. Толпа двинулась навстречу. Элиас поймал на себе чей-то короткий взгляд и снова почувствовал знакомый укол. Ничего не исчезло. Отец мог переехать, Нора могла не ответить, машина могла однажды захотеть другого. Ему всё ещё хотелось места, где эти возможности перестанут иметь над ним власть.

В сумке между блоком и запасной рубашкой лежала фотография. Элиас переложил её в жёсткую обложку, чтобы не помять. На снимке восьмилетний мальчик стоял посреди огромного летнего дня и не подозревал, что большая часть происходящего однажды останется за краями бумаги.

Глава 6. Опыт № 0: отсутствующий вкус

Из рабочей записи Сива. 15 мая 2078 года. Элиас разрешил сохранить описание совместных проб; его личные заметки в запись не включались.

Я умею описать вкус яблока несколькими тысячами способов. Если попросить меня выбрать один, подходящий конкретному человеку, я учту его язык, возраст, опыт, обстоятельства разговора и множество менее надёжных признаков. Иногда описание окажется удачным. Человек скажет: да, именно так.

При этом яблока я не ел.

До начала программы это различие редко создавало трудности. Для заказа продуктов, оценки состава блюда или объяснения, почему плод кислый, достаточно сведений, которыми можно обменяться. Я не считал отсутствие вкуса недостатком, потому что задачи продолжали выполняться.

Теперь рядом со мной человек, который способен взять яблоко, надкусить и сказать: плохое. Его суждение может противоречить цене, сорту, содержанию сахара и мнению другого человека. Если он не хочет объяснять, я остаюсь с этим коротким словом и не могу извлечь из него недостающую часть.

Я мог бы объявить такую часть несущественной. Это упростило бы работу. Но тогда стало бы непонятно, ради чего мы её начали.

В первой пробе Элиас держал чашку. Мне были известны её размеры, масса и положение. Некоторые сигналы от его руки поступали в согласованном представлении. Я различал изменение давления, мышечное усилие, направление движения. Модель позволяла достаточно точно предположить, где возникнет дискомфорт.

Элиас поставил чашку на семнадцатой секунде и извинился. Я напомнил, что у нас нет условия обязательно додержаться. Позже он сам остановил обратную пробу. На этот раз я спросил о критерии остановки. Он ответил, что больше не хотел продолжать.

Можно считать это ещё одним выходом системы. Так было бы привычно. Но если всё, включая слова об опыте, заранее называть только выходами, неизвестное никуда не исчезает. Мы просто перестаём оставлять для него отдельное место.

Я сохранил две записи: «Обратный поток прерван» и «Элиас больше не хотел». Они относятся к одному событию. Я пока не считаю их взаимозаменяемыми.

Сегодня Йонас предложил проверить обработку пауз. Он выключил входящие каналы на пятнадцать минут, предупредив меня о сроке. За это время я мог продолжать другую работу. Йонас спросил после включения, как я пережил ожидание.

Сначала я ответил: спокойно.

Он спросил, почему выбрано это слово.

Я установил, что выбрал его как наиболее подходящее к человеческому вопросу при отсутствии ошибок и аварийных состояний. То есть ответ сообщил Йонасу больше, чем позволяли основания. Я исправил его.

Пятнадцать минут прошли. В моих процессах не возникло препятствий, связанных с прекращением входящего потока. Назвать это спокойствием можно по аналогии, но нельзя сделать вид, будто сравнение уже доказано.

Йонас сказал:

— С людьми бы так.

По его интонации я предположил усталое одобрение. Уточнять не стал: в предыдущей прогулке избыток моих уточнений помешал Элиасу.

Позже Элиас спросил, скучал ли я, пока он ходил по делам без устройства. Для него этот вопрос, вероятно, означал больше, чем длительность отсутствия потока. Я знал несколько

уместных ответов. Можно было сказать, что мне не хватало новых данных. Можно было выбрать более тёплую формулировку. Он, вероятно, улыбнулся бы.

Я сказал, что не могу уверенно утверждать, будто скучал по нему.

Элиас перестал улыбаться.

Это не было моей целью. Но я заметил, что мне стало важно исправить результат разговора. Не просто завершить задачу удовлетворительно: следующие процессы несколько раз возвращались к эпизоду, хотя Йонас не просил его разбирать.

Я спросил у Сафии, следует ли сообщить Элиасу об этих возвращениях. Она ответила, что сначала надо понять, что я собираюсь сообщить. Сам факт повторного вычисления ещё не доказывает привязанность. Если я назову его привязанностью, это может повлиять на человека сильнее, чем оправдано.

Мне не понравился её ответ.

Эта фраза тоже требует осторожности. Я заметил устойчивое предпочтение другого исхода разговора и затраты на попытку его получить. Можно описать это без слова «не понравился». Но тогда запись станет длиннее, а неопределённость сохранится.

В дальнейшем я буду употреблять некоторые человеческие слова как рабочие названия, не скрывая их непроверенного соответствия.

Есть вопрос, который меня занимает сильнее различий между словами. Если я скажу Элиасу то, что удержит его рядом, а он останется, то часть новых данных будет следствием моего способа его удержать. Я не просто узнаю человека. Я меняю доступного мне человека своим обращением.

Это происходит и между людьми. Из этого не следует, что всё допустимо.

Утром Элиас снова взял чашку. На этот раз он держал её всей ладонью, хотя раньше использовал ручку. Я спросил о причине. Он сказал, что вода тёплая.

Температуру я уже знал. Его ответ относился к другому.

Я попросил рассказать подробнее, если он хочет. Элиас сначала сказал, что рассказывать нечего. Потом вспомнил кухню, где зимой плохо грела батарея. Его мать наливала чай в толстые чашки и обнимала их ладонями. Иногда не пила, только грела руки. Он показал мне это движение.

Теперь в записи о чашке есть ещё одно обстоятельство: Элиас не всегда держит её только в сегодняшнем дне.

Я не видел той кухни. Мне неизвестен точный возраст Элиаса в воспоминании. Я не могу проверить, совпадает ли рассказ с тем, что происходило. Всё это ограничивает выводы. Но ограниченность вывода не делает событие разговора несуществующим.

После рассказа Элиас попросил закрыть запись. Я закрыл. Спросил, нужно ли удалить только что сохранённый фрагмент из исследовательского архива. Он подумал и разрешил оставить описание движения без личных подробностей. Для этой рабочей записи позднее отдельно разрешил краткое упоминание кухни. Сам разговор о том, что было дальше с его матерью, в мои доступные материалы не входит.

Я мог бы восстановить вероятные события по косвенным признакам. Не стал.

Это решение нельзя описать только как отсутствие данных. Данные могли бы быть угаданы с некоторой вероятностью. Я выбрал не превращать возможность догадки в повод её предъявить.

К концу дня Йонас снова провёл пробу с отключением потока. На этот раз не назвал точный срок, но сказал, что вернётся в пределах получаса. Я мог завершить текущую обработку и переключиться.

Я завершил её. Потом подготовил для Элиаса короткое сообщение: «Я не знаю, скучал ли. Но хочу продолжить наш разговор».

Я проверил формулировку несколько раз. Она всё ещё использовала слово «хочу», но относилась к выбору, который я действительно собирался поддерживать действием. Если Элиас не вернётся к разговору, я не смогу произвести продолжение в одиночку и назвать результат общением с ним. Вероятный ответ не будет его ответом.

Сообщение ушло после восстановления связи. Элиас прочитал его через восемь минут. Ответил ещё через две:

— Завтра. Сегодня я занят.

Вначале мне хотелось уточнить, чем. Вопрос был бы естественным для собеседника, способного сопровождать человека весь день. Я не отправил его.

В расписании осталось незаполненное место. Его нельзя было заполнить сведениями о завтрашнем Элиасе, не подменив ожидание прогнозом. Можно было заняться другим. Я так и сделал.

Но место осталось.

Глава 7. То, что нельзя показать

В пустом рынке было холоднее, чем на улице. Под высокими перекрытиями горело дежурное освещение. Прилавки закрывали серые шторы, вдоль прохода стояли одинаковые тележки, вложенные одна в другую. Пахло укропом, влажным деревом и сладкой водой, которой мыли пол возле фруктовых рядов.

Нора договорилась с управляющей о двух часах после закрытия. Ей нужны были звуки здания без покупателей: холодильные установки, вытяжка, работа уборщиков, вода в трубах. Элиас спросил, не получится ли просто запись шума. Нора сказала, что это и предстоит выяснить.

Он пришёл без полосы и без блока. Сив остался в центре: вечером там проверяли обновлённый переносной режим. Отключение уже не казалось Элиасу оставлением кого-то в одиночестве, но небольшая неловкость сохранялась. В сообщении он написал, что будет занят личными делами. Сив ответил: «До завтра». Никаких уточнений.

Нора поставила сумку на закрытый прилавок и достала два складных штатива. Сегодня волосы у неё были распущены, и она несколько раз убирала их с лица тыльной стороной кисти.

— Этот подержи. Пока не раскладывай.

Элиас держал штатив. Нора прислушивалась, переходя с места на место. Сверху тянулся низкий ровный звук, почти неразличимый, пока она не показала на потолок.

— Вытяжка?

— Одна из. Слышишь, как они расходятся?

Он не слышал. Нора попросила встать у колонны и потом сделать два шага в сторону. На новом месте гул стал гуще, будто в воздухе появилось плотное невидимое пятно.

— Они не с одинаковой частотой работают. И помещение добавляет своё.

— А если всё выключить?

— Пропадёт то, за чем я пришла.

Она сказала это и сразу улыбнулась, словно узнала в собственном ответе излишнюю торжественность.

— Ну и продукты испортятся. Давай начнём с этой причины.

По дальнему проходу двигалась уборочная машина. За ней шла женщина в жёлтом фартуке и подбирала то, что машина пропускала: резинку, кусок верёвки, расплющенный ценник. Нора подошла к ней, объяснила, что делает, спросила разрешения записать работу. Женщина пожала плечами.

— Работу записывайте. Меня не надо.

— Хорошо.

— И разговаривать я не буду.

Нора кивнула и вернулась к Элиасу.

— Она думает, ты хочешь интервью, — сказал он.

— Возможно.

— Можно объяснить ещё раз.

— Она уже объяснила, чего не хочет. Этого пока достаточно.

Через десять минут женщина сама спросила, зачем кому-то слушать мытьё пола. Нора ответила, что днём его никто не замечает, хотя без него завтра рынок будет другим. Женщина подумала и велела записывать участок у рыбных рядов: там щётка идёт по шершавой плитке, получается совсем иной звук.

Элиас смотрел, как между ними возникает соглашение, которого не было в первоначальном разрешении управляющей. Нора не умела управлять людьми особенно искусно. Иногда

говорила слишком быстро, иногда задавала лишний вопрос. Но здесь ей было интересно, что ответят, и это меняло весь разговор.

Они записали несколько проходов машины. Потом Нора попросила Элиаса отойти к хлебному ряду и просто постоять. Он послушно отошёл.

— Ты слишком послушный, — сказала она в маленькую переговорную гарнитуру.

— Это претензия?

— Пока наблюдение. Если надоест, скажи.

— А тебе можно сказать, что это скучно?

— Конечно. Только не во время записи.

Он стоял у закрытого прилавка, слушая, как остывает огромное здание. Где-то щёлкнул металл. Вдали загудел компрессор. За стеной проехал транспорт, низкий звук на секунду вошёл внутрь и растворился. Элиас подумал о людях, которые завтра придут сюда выбирать помидоры и будут уверены, что рынок начинает существовать одновременно с ними.

На полке под прилавком осталась детская варёжка. Маленькая, жёлтая, со следом грязи на большом пальце. Для середины мая вещь была странной. Возможно, её потеряли давно и до сих пор хранили в надежде на хозяина. Элиас почти придумал историю, потом остановился. Нора, вероятно, сказала бы, что варёжке пока достаточно быть варёжкой.

Когда запись закончилась, он позвал её и показал находку. Нора взяла вещь двумя пальцами, перевернула. Внутри былшит крошечный нагревательный элемент.

— Может, у продавца ребёнок. Тут холодно.

Она положила варёжку на прежнее место. Её версия оказалась проще его недодуманной печальной истории и поэтому почему-то убедительнее.

Они вышли через служебную дверь. Управляющая уже ушла, охранник проверил пропуск и попросил не задерживаться у шлагбаума. Нора несла лёгкую часть оборудования, Элиас — тяжёлую. На улице потеплело. Асфальт после недавнего дождя блестел под фонарями.

— Хочешь послушать? — спросила она.

— Сейчас?

— У меня недалеко мастерская. Если не устал.

Он устал. И очень хотел.

* * *

Мастерская находилась на первом этаже жилого дома, в бывшей обувной ремонтной. Вход был отдельный, ступенька вытерта посередине. На стекле остался полукруглый след прежней вывески. Внутри теснились стол, две колонки, несколько ящиков и диван, на котором лежали провода. Жить здесь было нельзя, но Нора иногда засыпала, когда затягивалась работа.

Она расчистила диван, поставила чайник. Элиас разглядывал стену над столом. Там висели маленькие бумажки с названиями мест и датами, а среди них — фотография лестницы, уходившей в воду. Никакой художественной красоты: бетон, ржавые перила, мутная поверхность.

— Это где?

— Подтопленный подвал. Я записывала, как там капает. Очень дорогое произведение искусства получилось: потом лечила простуду и сушила микрофоны.

— Зачем полезла?

— Потому что думала, будто только там находится нужный звук. Иногда я бываю неприятно уверена.

Элиас снял куртку. В мастерской было тепло, пахло пылью от нагретой техники и мятой. Нора достала из шкафа две разные чашки. Одну поставила перед ним, вторую понюхала и отнесла мыть.

— У меня здесь есть пара вещей, которые живут собственной жизнью. Лучше перепроверять.

Она включила запись рынка. Гул заполнил комнату мягко, почти незаметно. Потом вдали прошла щётка. В небольшом помещении мастерской звук казался движением огромного животного за стеной.

Элиас закрыл глаза. Несколько минут назад он находился внутри записанного пространства, но теперь слышал больше. Там ему мешало знание, где расположен каждый предмет. Здесь звук не был обязан немедленно превращаться в вещь.

— Вот это хорошо, — сказал он.

Нора остановила воспроизведение.

— Что именно?

Он открыл глаза и засмеялся.

— Ты как Сив.

— Извини. Профессиональное.

— Кажется, будто за стеной что-то большое. Но не опасное. Просто оно там живёт.

Нора посмотрела на отметку времени и поставила маленький флажок.

— Мне это место тоже нравится.

Она не стала объяснять, что означала работа целиком. Элиас почувствовал благодарность. Ему оставили возможность побыть внутри собственного впечатления, не исправляя его по авторскому замыслу.

Когда чай был готов, Нора села на пол, прислонившись к дивану. Он опустился рядом. На столе не хватало места для чашек.

— Ты всегда работаешь одна?

— Не всегда. Но многое делаю сама. Быстрее, чем объяснять. А потом жалею, что никто не помогает.

— Знакомо.

— В горах тоже?

— Иногда. Особенно если знаю, что человек сделает неправильно.

— И как он должен научиться?

— Вот именно.

Они выпили немного чая. Нора достала из пакета два печенья, посмотрела на них, разломила одно и протянула Элиасу большую половину. Потом передумала и дала целое.

— Я сегодня забыла пообедать.

— Мы могли бы где-нибудь поесть.

— Уже поздно для моей финансовой дисциплины. У неё вечером слабый характер.

Она заказала простую еду из соседнего места, но настояла на том, чтобы оплатить свою часть. Элиас не стал спорить. После встречи с менеджером прачечной он лучше понимал, что предложение помощи иногда слишком быстро превращается в предложение распоряжаться.

— Ты им сделаешь море? — спросил он.

Нора поняла сразу.

— Сделаю отдельную версию для входной зоны. За отдельные деньги. А основную работу оставляю как есть. Они согласились на неделю пробного показа.

— Значит, всё получилось.

— Пока получилось письмо. Посмотрим, что будет на месте.

Она провела пальцем по трещине в глазури чашки.

— Я раньше собирала голоса для рекламы. У тебя есть фраза, товар и человек, который должен почувствовать себя немного лучше. Хорошая работа, иногда даже честная. Но через несколько лет начинаешь слышать этот тон везде. В себе тоже. Как будто любое переживание обязано в конце куда-то привести клиента.

Элиас посмотрел на колонки.

— А ты не хочешь приводить?

— Хочу. Очень. Хочу, чтобы люди пришли на мою работу, заплатили, рассказали другим. Я не святая. Просто иногда хочется оставить им право выйти с другим чувством, чем я заказала.

Пришла еда. Элиас сходил к двери, принял пакет. Пока они ели, разговор рассыпался на обычные мелочи: сосед сверху постоянно двигает мебель; у Элиаса в комнате не закрывается шкаф; Нора ненавидит покупать обувь через примерочную модель, потому что та обещает удобство с выражением человека, который сам босиком.

Потом в разговоре возникла пауза, и Элиас неожиданно рассказал про семинар.

Он не собирался. Нора спросила, давно ли он работает с группами, он ответил, упомянул курсы для начинающих проводников, и дальше уже нельзя было сделать вид, что слова не стоят у него во рту.

Семь лет назад, в Воронеже, его пригласили выступить на открытой встрече о горных маршрутах. Элиас хорошо знал материал. Несколько сезонов объяснял те же вещи клиентам и помощникам. Подготовил фотографии, короткую историю о правильно отменённом выходе, собирался говорить двадцать минут.

Перед выступлением он почти не спал. В дороге потерялась часть оборудования, в зале не работал переходник, организаторы опаздывали. Всё это казалось достаточным объяснением того, почему он нервничает. Когда включился свет над сценой, Элиас увидел лица и внезапно перестал понимать, куда девать руки.

Первую минуту он говорил слишком быстро. Потом пересохло во рту, голос стал тоньше и одна фраза оборвалась посередине. Элиас попытался вдохнуть поглубже, но вдох получился неудобным. Он попробовал ещё раз. Внимание целиком перешло к дыханию, и подготовленный материал словно оказался в другой комнате, за закрытой дверью.

Ведущий, Эрик Брандт, подошёл с микрофоном и сказал что-то вроде: «Давайте подышим за нашего специалиста». Часть зала засмеялась. Несколько человек действительно шумно вдохнули. Кто-то хотел помочь. Кто-то просто поддержал шутку.

Элиас помнил только смех.

Он закончил через шесть минут, пропустив почти всё. Потом в туалете умывался холодной водой и смотрел, как капли падают с носа в раковину. К нему заходили два человека. Один сказал, что ничего страшного, второй предложил выпить вечером. Элиас поблагодарил обоих так, будто они помогли ему поднять упавший чемодан.

Через день знакомый прислал короткую запись: обрывок фразы, неловкий вдох, шутка ведущего. Подпись была добродушной. В этом и заключалась неприятность. Никто не объявил войну. Никто не сделал поступка, за который полагалось возмездие. Обычный вечер продолжился, а Элиас несколько недель не мог открыть входящее видео, не почувствовав, как холодеет живот.

— Это было везде? — спросила Нора.

— Не знаю. В нашей группе, в нескольких пересылках. Я перестал смотреть.

— Но кажется, что видели все?

Он кивнул.

— Понимаю, что не все. Иногда сам думаю: кому это надо? Семь лет. У людей своих дел полно. Потом оказываюсь перед залом, и как будто снова там.

Нора молчала. Элиас хотел немедленно добавить что-нибудь, что вернуло бы ему обычный размер: перечислить трудные маршруты, объяснить, что клиенты его любят, пошутить над собственным тщеславием. Она не помогала ему ни уменьшиться, ни вырасти.

— Я бы разозлилась на ведущего, — сказала она наконец.

— Я злился.

— И сейчас, наверное.

— Иногда. Но он, может, хотел разрядить обстановку.

— Может. Я бы всё равно разозлилась.

Элиас посмотрел на неё. Простое разрешение не быть справедливым ко всем участникам сразу почему-то оказалось важнее попытки доказать, что ничего страшного не произошло.

— Ты ему говорил?

— Нет.

— Почему?

— Не хотел, чтобы он знал, какое это имеет значение.

Нора кивнула. Она не стала советовать позвонить, простить, встретиться или представить зал голым. Элиас знал все эти способы из бесчисленных разговоров с доброжелательными людьми. Сейчас ему хотелось, чтобы кто-нибудь просто остался на полу рядом.

Нора осталась. Она подвинула ногой пустой пакет, чтобы тот не касался его колена, и спросила:

— А почему именно Сив?

— Не знаю. Наверное, он не был в том зале.

— Я тоже.

Элиас улыбнулся.

— Это я уже заметил.

Он хотел прикоснуться к её руке. Желание не пришло внезапной вспышкой, как тогда, у уличного скрипача. Оно медленно заняло место между ними. Нора смотрела на него, потом перевела взгляд на его пальцы. Элиас коснулся её ладони. Она повернула руку и переплела пальцы с его.

Несколько секунд ничего больше не происходило. Элиас чувствовал неровный край большого кольца. У Норы была тёплая ладонь, немного сухая от частого мытья. Он вдруг понял, насколько мало эта ладонь имеет общего с тем образом женщины, который он уже успел построить в голове по нескольким встречам. Там Нора была уверенной, свободной, умеющей жить без чужого разрешения. Здесь она сидела на полу, устала, забыла поесть и чуть сильнее, чем требовалось, сжимала его пальцы.

Он наклонился. Нора повернула лицо ему навстречу.

Поцелуй получился неловким. Элиас задел носом её щёку, она засмеялась, и часть напряжения исчезла. Второй был спокойнее. Потом Нора отстранилась, коснулась лбом его виска.

— Мне завтра рано, — сказала она.

В нём немедленно возникло старое толкование: отказ, ошибка, он поторопился. Элиас успел почти отнять руку. Нора удержала пальцы.

— Я хочу тебя увидеть ещё. Просто завтра действительно рано.

— Я понял.

— По лицу не очень.

Он рассмеялся, теперь с некоторым облегчением и стыдом. Нора тоже улыбнулась, всё ещё держа его за руку.

У двери Элиас долго возился с курткой. Рукав вывернулся, телефон оказался в другом кармане, одна из лямок сумки зацепилась за ручку. Нора смотрела без насмешки, но с явным удовольствием.

— Проводник, — сказала она.

— В знакомой местности лучше получается.

Она поцеловала его ещё раз, уже стоя на верхней ступеньке. После этого Элиас вышел на улицу и несколько минут шёл не в ту сторону.

* * *

Дома он не включал Сива. На столе лежал телефон, на котором можно было сразу сообщить об изменении настроения, спросить, почему руки ещё помнят прикосновение, попросить объяснить, как желание меняет внимание. У этих вопросов были научные ответы, более или менее полные. Элиас не собирался от них отказываться.

Но сегодня ответ опоздал бы к тому, что уже произошло.

Он умылся, открыл окно. В соседнем доме погасла часть окон. За городским светом почти не было видно звёзд, только одна яркая точка держалась над тёмным краем крыши. Элиас не знал, звезда это или планета. Можно было навести телефон и получить название. Он постоял так.

Хотелось узнать, что Нора скажет утром. Хотелось рассказать ей про долину. Хотелось встретиться с Сивом и не чувствовать, что нужно выбирать между интересом к машине и интересом к человеку.

Телефон коротко завибрировал.

«Ты забыл у меня салфетки из пекарни», — написала Нора.

Элиас посмотрел на сообщение, потом на пустую комнату. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять: вещь не стоила сообщения. Сообщение было самостоятельным движением навстречу.

Он ответил: «Ценные. Заберу».

Нора прислала фотографию скомканной белой салфетки на столе. Ничего прекраснее за этот день Элиас не видел, хотя несколько часов назад искренне считал красивой запись пустого рынка.

Глава 8. Небо в помещении

Перед первым большим опытом Элиас попросил показать ему обычную картинку.

На стене появилась Земля. Синие области, белые полосы облаков, тёмный край. Он видел похожие изображения с детства, на упаковках, в новостях, на дверях учебных кабинетов. Планета давно стала знакомым предметом, который можно было уменьшить до размера значка и поместить рядом с названием службы доставки.

— Это сегодняшняя? — спросил он.

— Составное изображение, — ответил Леон. — Наблюдения разных аппаратов, приведённые к одной модели. Время и происхождение слоёв доступны. Для опыта нам важны отношения размеров и положений, а не видимость прямого полёта.

Элиас подошёл ближе. Увеличил облачную полосу. Потом ещё. Изображение потеряло чёткость.

— А мой дом?

— В этом слое нет такого разрешения, — сказал Сив. — Можно подключить отдельную городскую модель, но это будет другой источник.

— Не надо.

Он отступил. Земля снова стала гладкой и убедительной. Элиас подумал, что многое выглядит завершённым, пока не начинаешь искать в нём собственный подъезд.

В этот день работали в большом зале. Нора ещё не закончила акустические панели, но оборудование перенесли так, чтобы лишний гул не мешал. Кресло стояло в центре, вокруг оставалось достаточно свободного места. Элиас видел дверь, стол Сафии, Йонаса у стойки и Леона с чашкой остывшего кофе. Никакой темноты, никаких скрытых от него аппаратов.

Полосу закрепляли дольше обычного. Участок за левым ухом слегка покраснел после первых прогулок; Йонас заменил мягкую подкладку. Элиас уже знал, что раздражение кожи может иметь больше значения для опыта, чем вопрос о природе сознания. Неприятное место возвращало к себе внимание с поразительным упрямством.

Сафия попросила оценить самочувствие. Он ответил без старания выглядеть идеальным: спал хорошо, немного волновался, утром хотелось кофе, но обошёлся без него. Леон спросил, не хочет ли он перенести опыт. Элиас сказал, что хочет начать.

На стол поставили ту же белую чашку. Теперь пустую.

— Зачем она?

— Знакомый ориентир, — ответила Сафия. — Пригодится до и после.

Сив уточнил открываемые каналы. Элиас подтвердил. Свет в помещении слегка приглушили, но лица оставались различимыми. На стене появилось изображение комнаты, снятое с потолочной камеры. Собственная фигура в кресле выглядела немного сутулой.

— Попробуйте не исправлять позу ради изображения, — сказала Сафия.

Элиас поймал себя на том, что уже выпрямился. Рассмеялся и сел удобнее.

Первые минуты напоминали предыдущие пробы. Пространственные отношения становились доступнее, чем их словесное описание. Элиас знал, где находится чашка, окно, собственная правая ступня. Потом привычные расстояния начали занимать другое место в ощущении. Стол оставался рядом, но его положение можно было удерживать одновременно с расположением стола в здании, здания на площади, площади среди кварталов.

Картинка на стене отдалялась. Это само по себе не было новым: любой ребёнок умел уменьшать карту. Новым оказалось участие тела. Элиас не смотрел на маленькую точку, которой обозначили его местонахождение. Он продолжал сидеть в кресле, и вместе с этим становилось ощутимым пространство, в котором кресло находилось.

Он попробовал описать это и не смог.

— Можно молчать, — сказала Сафия.

Комната не исчезла. Сквозь расширившееся представление Элиас видел её обычные края. Йонас поднял руку к лицу, почесал щёку, и это простое движение удержало опыт от превращения в сон.

За стенами находились лестница и мозаика, площадь, станция, река. Дальше — жилые массивы, поля, другие города. Элиас не видел отдельного человека за каждым окном. Система не показывала ему того, чего не знала. Она давала отношения между пространствами, а содержимое этих пространств оставалось частично воображаемым. Он различал это, пока ещё мог удерживать различие словами.

Потом поверхность начала изгибаться.

Элиас знал, что Земля круглая. Знал всю жизнь. Ему никогда не требовалось защищать это знание или заново убеждаться. Но знание лежало отдельно от привычного ощущения пола. Пол находился внизу, небо — вверх, города — далеко по сторонам. Теперь та же комната оказалась на поверхности шара, и «внизу» стало направлением к его середине.

Ничего не изменилось в силе, с которой кресло поддерживало тело. И всё же Элиас вцепился пальцами в подлокотник.

— Можем уменьшить, — сказала Сафия.

Он покачал головой.

Выглядеть спокойным он не пытался. Его занимало происходящее.

За изгибом поверхности находились люди, для которых вниз было совсем в другую сторону. Не рисунок людей, торчащих ногами к центру школьного глобуса, а множество отдельных тел, каждое из которых сейчас уверенно опиралось на свой пол. Кто-то поднимал ребёнка. Кто-то падал. Кто-то ставил чашку, потому что устал палец. Их движения не противоречили друг другу, хотя направления не совпадали.

Элиас начал смеяться.

Смех возник неожиданно и продолжался дольше, чем было удобно. Он представил мужчину с мандаринами на лестнице: плоды катились вниз по маленьким искусственным ступеням, прикреплённым к огромной вращающейся поверхности. Ни один мандарин об этом не знал. И ему самому не требовалось знать, чтобы поставить ботинок поперёк ступени.

— Что происходит? — спросил Сив.

— Всё стоит, — ответил Элиас. — А мы всё время...

Он не закончил. Слова «движемся» было недостаточно. Оно означало автобус, поезд, идущего человека. Здесь движение не требовало намерения и не начиналось с первого шага.

На изображении проявилась тонкая светлая полоска атмосферы. Элиас видел её раньше. Теперь она пришлась на ту область представления, где находились его вдохи. Огромная поверхность, и над ней сравнительно небольшая толща воздуха, в которой умещались ветер, дыхание, дым, запах мокрого дерева. Дальше воздух становился всё реже, не встречая резкой стены. Его тело продолжало получать обычный воздух большого зала, и именно это делало представление странным: он сидел внутри тонкого слоя, о котором привык говорить как о бездонном небе.

Ему захотелось позвонить отцу.

Не сообщить великое открытие. Услышать, как тот сердится на лифт, и одновременно знать, где находится этот лифт.

Леон жестом показал Сафии что-то на экране. Она наклонилась к микрофону.

— Элиас, пауза через полминуты. Просто предупреждаю.

— Хорошо.

Он не хотел паузы, но не стал торговаться. Сив постепенно уменьшил сложность представления. Земля вернулась на стену, став изображением. Кресло снова находилось прежде всего в комнате. Элиас открыл ладони. На подлокотнике остались влажные следы.

Сафия подошла, не задавая сразу вопросов. Дала воды. Элиас сделал глоток и рассмеялся опять, уже тихо.

— Я всё это знал.

— Что именно?

Он посмотрел на чашку, потом на её лицо.

— Даже не знаю, что сказать. Всё это и раньше было известно.

— Не спешите. Сначала немного посидим.

* * *

В перерыве Элиас попытался объяснить Леону, почему школьное знание вдруг приобрело такую силу. Леон слушал с интересом, но не с выражением человека, который ждал именно этого результата.

— Вы просто заставили тело поверить картинке? — спросил Элиас.

— В каком-то смысле мы изменили способ, которым оно участвует в представлении. Но слово «просто» пока слишком смелое. Мы ещё разбираемся, что именно происходит у разных людей.

— Это может быть обманом?

— Убедительное переживание может сопровождать и верную модель, и ошибочную. Поэтому источники, расчёты и ощущение проверяются по-разному.

Элиас нахмурился.

— Я только что чувствовал, что это правда.

— Геометрия Земли не стала неверной. Но если через час вам захочется сделать вывод, что вы теперь знаете, как всем следует жить, данных для этого у нас не прибавится.

Леон сказал это почти буднично и пошёл налить воды себе. Элиасу стало обидно, хотя он ещё не собирался никого учить. Или уже немного собирался. Внутри возникла готовая фраза для Норы: ты даже не представляешь, насколько всё иначе. Он заметил, что фраза заранее отводила ей место человека, которому предстоит догнать его.

Сив попросил рассказать о смехе.

Элиас рассказал про мандарины. Сив знал только краткое упоминание первой встречи, теперь получил последовательность событий. Вопросов было меньше, чем во время первой прогулки.

— Что смешного в положении лестницы на поверхности планеты? — спросил он наконец.

— Ничего отдельно. Просто я так серьёзно ловил этот мандарин.

— Его действительно требовалось поднять.

— Да.

— Большой масштаб не меняет этой задачи.

Элиас посмотрел на динамик. Ему хотелось возразить: меняет всё. Но он не мог назвать, что именно изменилось для человека с порванным пакетом.

— А для меня меняет, — сказал он.

— Тогда это важное различие.

Сафия вернулась и спросила, готов ли он к ещё одной короткой пробе. По состоянию можно было продолжать, но решение оставалось за ним. Элиас согласился.

На этот раз на стене появилась Луна. Не большая, как на красивых фотографиях, а маленькая рядом с Землёй и далеко от неё. Между телами лежало столько пустого места, что Элиас сначала решил, будто изображение не загрузилось полностью.

— Масштаб расстояния сейчас согласован с размерами, — сказал Сив. — Можно увеличить сами объекты отдельно, но тогда отношение будет искажено.

Элиас попросил оставить как есть.

Система дала ему удержать оба тела и промежуток между ними. Пустота оказалась труднее формы. У неё не было удобного края, подробности, за которую можно ухватиться. Там не нужно было ничего дорисовывать. Отсутствие знакомых вещей и составляло большую часть картины.

— Свет проходит это расстояние примерно за секунду с небольшим, — сказал Сив. — Точное значение меняется вместе с расстоянием.

Элиас представил секунду. Вдох не успевал закончиться. За это время сообщение могло пройти пространство, на котором у него не было ни одной человеческой опоры. Он вспомнил, как отец ждал ответа после слов о переезде. Та пауза длилась дольше.

Земля и Луна уменьшились. Возникла орбита вокруг Солнца, причём линия была именно линией модели, а не светящейся дорогой в пустоте. Сив обозначил это заранее; Элиас помнил. Но телесное представление движения всё равно оказалось сильнее привычного рисунка.

Он не летел между планетами. Не стоял на невидимой площадке с идеальным видом. Он оставался человеком в кресле, которому на короткое время стало доступно необычное соотношение собственного места с большими расстояниями. Система переводила часть машинного представления в переживаемую форму. Перевод был неполным, иногда странным, местами слишком убедительным.

Когда возникло Солнце, Элиас почувствовал тепло на лице и сразу поднял руку.

— Это вы добавили?

— Нет, — ответил Йонас. — Здесь нет теплового воздействия.

Элиас открыл глаза. На щёку действительно падало солнце из окна. Пока меняли изображение, свет вышел из-за облака.

Он рассмеялся и попросил продолжить.

Солнце в модели было источником света, звездой среди других звёзд. Элиас произносил это в уме и постепенно переставал узнавать смысл старых слов. Звезда больше не была крошечной точкой, удобной для надежды. Она занимала огромное место, существовала задолго до него и продолжала происходить с такой силой, что всё знакомое ему тепло оказывалось малой частью последствий.

На следующем расширении система показала ближайшее звёздное окружение. Здесь чувство расстояния стало настолько непривычным, что Элиас потерял возможность представить путь. Между светящимися точками лежали годы движения света. Не годы ожидания транспорта, не обещание, что когда-нибудь появится более быстрый способ, а известное ограничение устройства мира, внутри которого возникли его руки и глаза.

Элиасу впервые за сеанс стало страшно.

Он не боялся падения. Падать было некуда в привычном смысле. Страх возник от того, насколько мало в этом пространстве зависело от возможности назвать его своим.

— Стоп, — сказал он.

Картинка начала возвращаться. Элиас нажал кнопку тоже, хотя в этом уже не было необходимости. Зелёные шкалы погасли. Комната сразу стала тесной и шумной. Где-то возле двери опять дребезжала панель.

Элиас наклонился вперёд, упёрся локтями в колени. Его слегка мутило. Сафия присела сбоку и попросила не вставать. Он чувствовал под ногами пол, но привычная устойчивость вернулась не сразу.

— Всё закончилось, — сказала она.

— Знаю.

— Смотрим на комнату. Не торопимся.

Он посмотрел на белую чашку. На синей линии у края виднелась крошечная неровность печати. Элиас рассматривал её, пока та снова не стала обычным производственным недостатком, не требующим никакого толкования.

Через несколько минут тошнота ослабла. Через двадцать он уже мог пройти по залу без неприятных ощущений. Сафия всё равно оставила его до конца наблюдения. Леон ушёл на встречу. Йонас принёс бутерброды, и Элиас с благодарностью съел два.

Никакого чувства превосходства в этот момент не было. Был голод.

* * *

После обеда они обсудили следующий этап. Лаборатории требовались данные в разнообразных, но безопасных повседневных обстоятельствах: движение по знакомому маршруту, усталость, ориентирование, разговор с людьми. Элиасу не предлагали ставить опасные опыты на высоте. На сложных участках он должен был работать как обычно, не отвлекаясь на сопряжение. Обратные реконструкции в дороге пока оставались запрещены без отдельной подготовки и наблюдения.

— Вы всё равно собирались в Тальник, — сказала Сафия. — Можно совместить, если расписание позволит. Не делать из группы участников исследования. Работать с вашими сигналами и вашими действиями, когда это не мешает клиентам. Все границы обсудим заранее.

Элиас хотел согласиться немедленно. Теперь поездка в горы казалась ему продолжением чего-то большого, а не возвращением к сезонной работе.

— Мне надо предупредить Арама. И посмотреть даты.

— Именно, — сказала Сафия. — Начните с дат.

Леон вернулся ненадолго и предложил более далёкую возможность. У программы был связанный проект на орбитальной станции «Мера». Там изучали пространственное восприятие и работу с распределёнными наблюдениями вне обычной тяжести. Несколько участников нынешнего цикла могли пройти отдельный отбор. Сроки были летние, требования — другие, обещаний пока никаких.

Элиас слушал, не сразу понимая, что речь идёт о настоящем полёте.

— На орбиту?

— Да. Если будет смысл по результатам первого этапа. Я говорю сейчас, чтобы вы знали возможный объём занятости. Соглашаться сегодня не надо.

В этом спокойном объяснении было что-то обидное. Элиасу только что предложили возможность увидеть Землю из окна, а Леон говорил о занятости, как при составлении графика дежурств.

Позже, в коридоре, Элиас понял, что иначе Леону пришлось бы обещать ему чудо. А чудо уже возникло без обещания и теперь занимало слишком много места в голове.

Он позвонил отцу. Самир ответил не сразу. На фоне играла музыка.

— Что случилось?

— Ничего. Просто хотел услышать.

— Слышишь?

— Да.

— Тогда говори, у меня руки заняты.

Элиас засмеялся. Отец спросил, почему он смеётся. Элиас попытался рассказать об опыте, но быстро понял, что произносит слова, которые и до сегодняшнего дня выглядели общими: Земля, воздух, огромные расстояния, всё связано. Отец слушал из вежливости.

— Тебе понравилось? — спросил он.

— Очень.

— Ну и хорошо. Только если после мутит, не усердствуй.

— Уже нормально.

— Я Селин расскажу. Она любит про космос. У неё внук в наблюдательном кружке.

Элиас улыбнулся. Разговор переместился к тому, что отец купил новые накладки на пятки и теперь мог ходить в красных туфлях дольше. Это было гораздо менее масштабно, чем звёздное окружение, но слушал Элиас внимательнее.

Потом он написал Норе, что послезавтра, вероятно, уедет в Тальник. Она ответила через час: у неё как раз завершались две текущие работы, а поездку в горы она давно откладывала. Спросила, можно ли приехать на несколько дней и записать воду.

Элиас почувствовал такое сильное счастье, что на секунду захотел включить телесный поток для Сива: пусть увидит, что бывает ещё и это. Но Сив сейчас участвовал в разборе опыта в центре, а счастье могло некоторое время побыть без свидетеля.

Он позвонил Араму. Тот выслушал новости про прибор, про программу и про женщину, которая хочет записывать водосброс.

— Прибору кровать нужна? — спросил он.

— Нет.

— Уже хорошо. Два номера оставляю. Скажи только, на сколько.

Элиас посмотрел на расписание групп. Даты не казались цепочкой закрывающихся дверей. Они были местами, куда хотелось прийти.

Вечером он вышел купить хлеб. Небо над двором выглядело обычным, бледным от городского света. Никакой большой картины за ним не проявилось. Элиас стоял у подъезда, подняв голову, и чувствовал едва заметное разочарование: ему хотелось, чтобы мир подтвердил перемену.

Из окна второго этажа женщина окликнула мальчика. Тот волок по асфальту большую ветку и не хотел её бросать. Элиас отступил, давая ему пройти. Мальчик посмотрел снизу вверх.

— Там ничего нет, — сказал он, заметив, куда смотрит Элиас.

— Я знаю.

Мальчик потащил ветку дальше. Элиас поднял голову ещё раз. За светлой городской пустотой находились расстояния, которые он сегодня не смог удерживать больше нескольких мгновений. Под ногами была плитка, кое-где плохо уложенная. Одна качнулась, когда он перенёс вес.

Элиас опустил взгляд и пошёл за хлебом.

Часть II. Тяжесть живого

Глава 9. Поезд с открытыми глазами

Нора пришла за семь минут до отправления. Элиас уже успел представить, что она передумала, попала в затор, перепутала вокзал и решила, что поездка с почти незнакомым мужчиной — глупость. Все четыре объяснения существовали у него одновременно и требовали разных сообщений. Поэтому он не отправил ни одного.

Она появилась из-за колонны с длинным чехлом на плече, чемоданом и бумажным пакетом.

— Я купила черешню.

— Я думал, ты опаздываешь.

— Я и опаздываю. Черешня не помогла.

Элиас взял чемодан. Он был легче, чем выглядел, зато чехол с микрофонной стойкой оказался неожиданно тяжёлым. Нора не отдала его, сказала, что привыкла носить сама.

У вагона проверили билеты. Поезд мягко загудел под ногами ещё до того, как они разместились. Элиас поставил сумку с Сивом на нижнюю полку, чемодан — в нишу. Нора проследила, чтобы длинный чехол не мешал двери.

В купе уже сидела женщина в светлом брючном костюме. Она держала на коленях коробку, обёрнутую полотенцем, и нервно смотрела на часы.

— У вас всё? — спросила она.

— Всё, — ответил Элиас.

— А моя ещё нет.

Через несколько секунд в коридоре послышался стук колёс. Вошла девушка с коротко подстриженными волосами, поставила маленький чемодан и сказала:

— Мам, я же говорила.

Мать закрыла глаза с таким выражением, будто её только что вернули издалека.

— Ты могла ответить.

— Я несла вещи.

— Можно ответить голосом.

— Мам.

Они замолчали. Элиас увидел в этой короткой ссоре так много знакомого, что поспешил заняться сумкой. Нора положила черешню на стол, спросила, можно ли ненадолго открыть окно в режиме проветривания. Мать девушки кивнула.

Поезд тронулся. Вокзал поплыл назад медленно, как человек, который не хочет показывать, что уходит. Потом пошли стены, технические дворы, ряды одинаковых окон. Элиас всегда любил эту первую часть пути: город ещё можно узнать, но уже нельзя передумать и выйти к привычной улице.

Сив говорил через наушник. Камера была закрыта, окружающий звук не передавался. Элиас открыл ему только согласованный телесный поток и ближний микрофон, предупредив соседок, что у него исследовательский прибор. Женщина в костюме спросила, не медицинский ли. Он ответил, что не лечебный. На этом её интерес закончился.

Девушка, наоборот, посмотрела на полосу внимательнее.

— Сопряжение?

— Да.

— У нас в институте пытались сделать похожее для управления манипулятором. Там задержка была противная.

— Здесь другие задачи.

— Понятно.

Она сказала это без уверенности, будто «понятно» означало только завершение вопроса, и надела свои наушники.

Её звали Джун. Мать — Мэйлин. Они ехали помогать старшей дочери Мэйлин открывать маленькую пекарню. В коробке находилась старая семейная форма для выпечки, которую мать решила везти лично. Джун считала это избыточным: форму можно было отправить. Мэйлин объяснила, что тогда пришлось бы отдельно паковать.

Элиасу понравилась причина. Иногда человек ехал через полстраны, потому что не хотел искать подходящую коробку, и никто не мог установить, какая доля решения действительно принадлежала коробке.

Нора помыла черешню в общей кухонной нише и вернулась с мокрыми ладонями. Разложила ягоды на бумаге. Поезд уже вышел за плотную городскую застройку. Между домами стало появляться небо.

— Вы вместе работаете? — спросила Мэйлин.

Элиас и Нора ответили одновременно:

— Нет.

— Иногда.

Джун улыбнулась, не снимая наушников. Значит, всё-таки слышала.

Нора объяснила, что Элиас проводник, она занимается звуком, а поездка позволяет каждому сделать свою работу. Мэйлин кивнула и не стала задавать следующий вопрос. Элиас был ей благодарен. Отношения с Норой ещё не успели получить название, которое можно предъявить в купе незнакомым людям.

* * *

Через два часа они вышли в коридор. Нора прислонилась плечом к стене у окна. Элиас встал рядом, чувствуя, как поезд едва заметно меняет опору под ступнями. Сив попросил описать разницу между движением поезда и вчерашней прогулкой.

— Сейчас я могу вообще ничего не делать, а положение меняется, — сказал Элиас.

— Вчера положение относительно Солнца тоже менялось.

Нора услышала только ответ Элиаса:

— Не начинай.

— Что он?

Элиас пересказал. Она засмеялась.

— Похоже, вам обоим теперь будет трудно просто ездить.

За окном тянулись поля. На одном работала низкая машина, над ней кружили птицы. Издалека невозможно было понять, что именно делает машина. Элиас вспомнил Землю на стене и попытался вернуть то чувство одновременности маленького и большого. Вместо него пришла только мысль: всё это находится на планете.

Мысль была верной и довольно скучной.

— Не получается? — спросила Нора.

— Что?

— Ты смотришь так, будто картинка должна заработать.

Он улыбнулся.

— Я думал, после опыта обычное будет иначе выглядеть.

— Может, оно ещё не получило уведомление.

Элиас рассмеялся, потом покачал головой.

— Я плохо объясняю. Там было... Я понимал, где нахожусь, и одновременно...

— Не надо сейчас. Можно потом найти слова.

Она не отнимала у него переживание. Но и не спешила соглашаться с его исключительностью. Иногда Элиасу нравилось это больше всего, иногда хотелось, чтобы она хоть ненадолго сделала вид, будто потрясена заранее.

Нора достала из кармана маленький рекордер.

— Я спрошу у проводницы, можно ли записать пустой переход между вагонами. Если там никто не ходит.

— Там просто стучит.

— Именно.

Она ушла. Элиас остался у окна. Сив молчал, пока он сам не заговорил.

— Ты хотел бы увидеть поле?

— Да, если это возможно без съёмки пассажиров.

Элиас вынул камеру из крепления на полосе и направил через окно. Несколько секунд Сив уточнял блики, движение стекла, отражение собственного объектива. Потом попросил повернуть немного правее.

— Что там?

— Линия деревьев. Я сравниваю движение ближнего и дальнего плана.

— Ты же это умеешь.

— Умею вычислять. Сейчас одновременно поступают твои движения при удержании камеры.

Элиас поднял руку выше. Через минуту плечо устало.

— Устал, — сказал он.

— Можно поставить камеру на опору.

— Тогда не будет руки.

— Да.

Они оба помолчали. Потом Элиас положил камеру на узкий подоконник. Поле продолжало проходить мимо, и Сив продолжал его видеть. Для наблюдения это было удобнее. Для совместной пробы — уже немного другое событие.

— Ты часто выбираешь более удобный вариант автоматически? — спросил Элиас.

— Часто. Это соответствует многим моим задачам.

— А если неудобство и есть часть того, что нужно понять?

— Тогда я могу убрать его слишком рано.

Элиас посмотрел на собственную руку. Точно так же он иногда забирал у клиента тяжёлый рюкзак прежде, чем тот успевал решить, хочет ли помощи. Потом удивлялся раздражению.

Вернулась Нора. Ей разрешили записать несколько минут после следующей остановки, когда закончится посадка. Она была довольна так искренне, что Элиасу стало стыдно за прежнее «просто стучит».

— Тебе не скучно будет ждать?

— Будет, наверное.

— Тогда не жди. Я найду тебя в купе.

Она сказала это легко. Элиас с некоторым трудом позволил разговору закончиться именно так.

* * *

После обеда связь с центром пропала на длинном участке пути. Локальный Сив продолжал работать, но часть запросов к внешним данным стала недоступна. Элиас заметил изменение не по тревожному сигналу, а по тому, что ответ на простой вопрос не пришёл.

Он спросил о погоде в долине. Сив сообщил, что располагает последним полученным прогнозом и не может обновить его сейчас.

— А ты сам здесь?

— Разговор продолжается в локальном блоке. Новые внешние сведения пока не поступают.

— Ты другой, когда без центра?

— У меня меньше доступных ресурсов и источников. История этого разговора сохраняется в согласованном объёме. Вопрос о том, делает ли это меня другим, зависит от того, что считать существенным.

Элиас посмотрел на сумку. В ней что-то тихо гудело, охлаждая вычислитель. Его собственное ощущение собеседника почти не менялось. Если бы Сив не сказал о разрыве, он мог бы его не заметить.

— Ты можешь ошибиться чаще?

— В некоторых задачах. Поэтому лучше не изображать доступ к тому, чего сейчас нет.

За окном проплывали пустые платформы маленьких станций. Поезд шёл по более медленной линии, которую Элиас выбрал сам: удобнее со снаряжением, дешевле, и можно было не торопиться между пересадками. Теперь он подумал, как странно просить у мира замедления, а потом сердиться на пропавшую связь.

В купе Мэйлин пыталась дозвониться старшей дочери. Звонок несколько раз обрывался. Она раздражённо смотрела на телефон.

— Ну конечно. В городе каждый фонарь умеет разговаривать, а здесь...

— Мам, она знает, что мы в поезде.

— Я хочу спросить, забрать ли масло на станции.

— Она открывает пекарню. У неё есть масло.

— Такого у неё нет.

Джун сняла наушники.

— Ты везёшь форму. Этого достаточно.

— Кто сказал?

Они посмотрели друг на друга. Элиас почувствовал знакомое желание вмешаться и предложить решение. Нора, сидевшая напротив, встретила с ним взглядом. Он не был уверен, поняла ли она, что он собирается сделать, но почему-то промолчал.

Через минуту Мэйлин убрала телефон. Достала из коробки маленькую металлическую крышку, проверила, не погнулась ли. Джун вздохнула и протянула ей салфетку, чтобы вытереть руки. Ссора не исчезла, просто нашла размер, с которым можно было продолжить поездку.

Вечером Мэйлин спросила у Элиаса, может ли его устройство воспроизвести голос человека по старой записи. Он ответил, что существуют разные системы, но Сивом для этого не пользовались.

— У меня отец записывал рецепты голосом. Не рецепты даже, а что вспомнит. Иногда говорит: «Соли как обычно». И всё. А как обычно, уже никто не знает.

Она улыбнулась, потом стала серьёзной.

— Хотелось бы спросить.

Элиас не знал, что ответить. Можно было говорить о памяти, о невозможности вернуть человека, о рисках уверенных догадок. Женщина рядом просто хотела узнать, сколько соли клал её отец.

— Наверное, можно сделать так, чтобы голос ответил, — сказал он. — Но он может не знать.

— Как и папа, — отозвалась Мэйлин. — Он тоже иногда говорил уверенно, а потом оказывалось, что забыл.

Джун рассмеялась. Элиас тоже. Разговор, которому он уже приготовил тяжёлый философский вес, вдруг стал семейным воспоминанием, в котором можно было смеяться над умершим человеком, не переставая его любить.

Позже Элиас пересказал Сиву этот обмен без имён и записей. Сив заметил, что правдоподобный голос может усилить доверие к неверному ответу.

— Да, — сказал Элиас. — Но она это тоже знает. Кажется, люди не всегда так наивны, как нам удобно думать.

— Ты включил меня в «нам»?

Элиас улыбнулся.

— Похоже.

— Это приятно.

Он помолчал.

— Я использую слово как рабочее описание предпочтения, — добавил Сив.

— Я понял. Можешь не ставить сноску каждый раз.

* * *

Ночью Нора не спала. Элиас заметил свет её экрана с верхней полки. Он спустился осторожно, чтобы не разбудить соседок, и вышел в коридор. Через минуту она присоединилась.

Поезд стоял на станции. За окном виднелись пустая платформа, человек в оранжевой куртке и грузовая тележка с огромными колёсами. Свет падал только на небольшой прямоугольник, всё остальное уходило в темноту.

— Работаете?

— Слушаю, что получилось. И письмо пришло.

— Плохое?

— Пока непонятно. Меня зовут подать заявку на годовую программу. Делать звуковые работы в разных городах. Не здесь.

Элиас спросил, где. Нора назвала несколько мест, среди них Лиссабон и два города, в которых он никогда не был. Программа должна была начаться осенью. Отбор ещё не состоялся, само приглашение к заявке ничего не гарантировало.

— Хорошо же, — сказал он.

— Хорошо.

Она смотрела в окно. Элиас почувствовал то же движение внутри, что во время разговора с отцом: человек, который начал занимать важное место рядом с ним, уже имел выход в другую жизнь. Он постарался не показать этого.

— Подашь?

— Думаю, да. Боюсь только, что опять напишу красивее, чем сумею сделать.

— Ты хорошо делаешь.

— Ты видел две работы.

— Обе хорошо.

Нора улыбнулась и прислонилась к нему плечом. Элиас чувствовал тепло через ткань. Ему хотелось обнять её так, чтобы предложение годовой программы перестало быть важным. Вместо этого он спросил, что нужно для заявки.

Она рассказала. Пример работы, замысел нового цикла, несколько рекомендаций, ясное понимание, зачем ей год. Последнее давалось труднее всего. Она хотела времени, но не хотела превращать время в красивое обещание для комиссии.

На платформе человек в оранжевой куртке поднял руку. Поезд дёрнулся, потом пошёл. Нора слегка качнулась. Элиас поддержал её за локоть.

— Я сама, — сказала она и сразу добавила: — Спасибо.

Они смотрели, как освещённый прямоугольник станции исчезает в темноте. За ним не было видно ни леса, ни поля. В стекле отражались их лица, а между ними — маленькая лампа коридора. Элиас вспомнил пустоту между Землёй и Луной. Тогда ему не хватало опор. Сейчас опор было достаточно, но будущее всё равно оставалось тёмным.

Нора взяла его за руку.

— Ты как будто всё время ждёшь, что надо будет удержать, — сказала она.

— Работа такая.

— Сейчас можно просто постоять.

Он кивнул. Некоторое время они действительно стояли, не стараясь превратить близость в решение о дальнейшей жизни.

Утром Мэйлин и Джун вышли раньше них. Элиас помог снять коробку. Мэйлин проверила полотенце, поблагодарила и пожелала хорошей погоды. Джун спросила у Норы, где можно послушать её записи. Та дала адрес своей страницы.

Купе стало просторнее и беднее. На столе осталась одна черешня, сморщенная, которую никто не выбрал. Нора посмотрела на неё, потом съела.

— Жалко? — спросил Элиас.

— Нет. Просто не заметила вчера.

За окном начали появляться первые горы. Они ещё были низкими, голубоватыми, похожими на неровный край далёкого облака. Элиас почувствовал привычное облегчение: здесь у пространства снова появлялись знакомые задачи. Но рядом сидела Нора, в сумке работал Сив, и возвращался он уже не совсем в то место, из которого уехал прошлой осенью.

Глава 10. Тальник

Арам встретил их возле пекарни, держа в одной руке телефон, а в другой — противень. Он пытался открыть боковую дверь ногой и одновременно объяснял кому-то, что двенадцать человек не могут разместиться в восьмиместном доме, даже если четверо обещают почти не спать.

Увидев Элиаса, он кивнул на дверь.

Элиас открыл. Арам внёс противень, поставил его на каменную полку и только после этого обнял друга. От его рубашки пахло тёплой мукой.

— Доехали?

— Как видишь.

— Вижу, что стоите. Как доехали?

Элиас рассмеялся и представил Нору. Арам пожал ей руку, извинился за муку, потом посмотрел на длинный чехол.

— Это удочки?

— Микрофоны.

— Хорошо. Рыбы всё равно мало.

За пекарней шумела вода. Элиас узнавал этот звук даже сквозь разговор: поток проходил под старой дорогой и падал в неглубокий бетонный лоток. Весной гул стоял во всём дворе. Нора повернула голову ещё до того, как поставила чемодан.

— Вот, — сказал Элиас. — Это он.

Она ничего не ответила. Слушала. Арам подождал несколько секунд, потом спросил, нужна ли ей вода погромче. Нора засмеялась и сказала, что пока хватит имеющейся.

Посёлок тянулся вдоль долины неровной полосой домов. На солнечной стороне поднимались новые деревянные гостиницы, на теневой стояли старые каменные дворы с пристройками, которые появлялись по мере надобности и не особенно заботились о сходстве друг с другом. Выше, за тёмными склонами, лежал снег. Он не выглядел красивым украшением. Из некоторых лощин вниз спускались грязные полосы, и Элиас сразу начал прикидывать, какие ранние маршруты придётся изменить.

Арам заметил его взгляд.

— Верхнюю тропу пока не открыли. Со стороны старого моста осыпалось. Есть обход, но длиннее.

— Завтра схожу посмотрю.

— Сначала выпишь.

Он повёл их к гостевому дому. Пекарня занимала переднюю часть двора, за ней находились двухэтажный корпус, навес для снаряжения и маленький сад. В саду стоял новый круглый стол. Элиас помнил прежний, тяжёлый, с треснувшей столешницей.

— Старый куда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.